

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Крымский хан
потерял в битве под
Тулой зачарованную
саблю рода Чингизидов.
Вплоть до наших дней
проклятое оружие
переходит из рук
в руки, никому не
принося счастья...

Ольга БАСКОВА

Проклятая сабля крымского хана

Артефакт & Детектив

Ольга Баскова

Проклятая сабля крымского хана

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Баскова О.

Проклятая сабля крымского хана / О. Баскова — «Эксмо»,
2019 — (Артефакт & Детектив)

Тот, кто хочет владеть всем миром, непременно поплатится за свое тщеславие. Зачарованная сабля сулила могущество и богатство хану Девлет Гирею, потомку великого Чингисхана, но была утеряна на поле битвы, и с тех пор несла только разрушение и несчастья... Сила проклятья не ослабла вплоть до наших дней и закружила в водовороте трагических событий Жанну и Андрея, каждому из которых придется сделать нелегкий выбор и не раз об этом пожалеть...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Баскова О., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ольга Баскова

Проклятая сабля крымского хана

© Баскова О., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава 1

1520 год. Крым

Крымский хан Саадет Гирей привязал коня к тонкому морицинистому стволу дерева, неизвестно как вцепившемуся корнями в скалу и даже пробившему ее в поисках влаги, тяжело вздохнул и стал взбираться по склону к пещере, которая скалилась еле заметной черной пастью – расщелиной. Это давалось ему с трудом. Тучный, сильно набравший в весе в последнее время, он тяжело дышал, и камни сыпались из-под ног. Пот градом катился по круглому, смуглому, с желтизной лицу, попадая в узкие монгольские глаза, застревая в морицинках, как вода в колеях, сверкая в бороде, где уже поблескивал серебряный волос; он смахивал соленую жижу холеной рукой и продолжал путь. Саадет Гирей не сказал ни единой живой душе, даже своей жене, которой доверял, о том, куда направился. Здесь, в суровых крымских скалах, жил колдун, который предсказывал будущее. Потомок Чингисхана, Саадет Гирей помнил о своем великом предке, завоевавшем полмира, и мечтал о его славе. Помнил он также и о том, что своими победами Чингисхан был во многом обязан шаману Тэб-Тэнгри. О нем рассказывали довольно много. Предки Тэб-Тэнгри служили еще матери Чингисхана, однако это не означало, что он займет достойное место при ханском дворе – Чингисхан не происходил из знатного рода. Саадет Гирей знал, что именно благодаря Тэб-Тэнгри его великий предок занял место, которого заслуживал. Шаман провозгласил: скоро придет Великий воин, которому покровительствует сам бог Тэнгри, поэтому его род считается «золотым». И именно Темуччи – такое имя получил Чингисхан от рождения – станет Великим ханом. Чингисхану пришлось по нраву слова шамана, по его совету он сменил имя и действительно принес Золотой Орде столько побед, сколько она никогда не видела. Саадет Гирей до сих пор не мог разобраться в том, за что его великий предок приказал убить Тэб-Тэнгри. Наверное, это было сделано сгоряча... Вокруг великих людей вечно плетутся интриги... возможно, кто-то наговорил на шамана, мечтая захватить трон. Трон шатался и под ним, именно поэтому, тяжело дыша и спотыкаясь, он упорно карабкался к пещере. По словам местных жителей, колдун умел предсказывать будущее. Оно и интересовало крымского хана. Наконец, добравшись до маленькой площадки, созданной природой прямо перед узким входом в пещеру, он погладил бороду, что делал в минуты сильного волнения, и с опаской заглянул внутрь. Возле огня сидел худой старик в лохмотьях и что-то бормотал.

– Приветствую тебя, почтенный, – громко сказал Саадет Гирей, но от волнения голос его оборвался на последнем слове. Старик не обернулся, лишь что-то пробормотал под крючковатый нос. Пламя в костре разгорелось сильнее, словно колдун произнес какое-то заклятие, и желтые отблески заплясали по склизким, словно плачущим стенам пещеры.

– Почтеннейший, – уже громче и увереннее произнес хан, стараясь подавить волной накативший на него страх, – я пришел...

Старик обернулся. В ярком свете он выглядел устрашающе: длинные белые волосы, перехваченные грязной красной лентой, испещренное морицинами узкое лицо, глаза, прикрытые веками, седые нависшие брови...

– Ты пришел узнать свое будущее, – скрипучим, словно колесо старой телеги, голосом произнес он. – Сюда все приходят за этим. Что ж, слушай. Тебе не суждено стать Великим ханом, если ты не расправишься с сыном своей жены. Впрочем, я вижу, что ты этого не сделаешь, хотя кровь проливать тебе не впервой. Верно говорю?

Хан прищурился, и его без того узкие глаза превратились в щелочки. Да, шайтан-старик прав, ему приходилось убивать всю свою жизнь. Совсем молодой, с румяными щеками, покрытыми юношеским пухом, он сражался против мятежников – сторонников своего род-

ственника принца Селима, потом жестоко подавлял народные волнения недовольных. Он предавал, продавал направо и налево, не зная слов «дружба» и «любовь», не чувствуя никакой привязанности к близким, и добился своего: султан Селим Явуз и его сын Сулейман Великолепный благоволили к нему. Когда осенью 1523 года после ухода ногайцев, разоривших Крымское ханство, знать поставила на престол Казы Гирея Первого, Стамбул воспротивился. Крымские бей всегда согласовывали кандидатуру правителя с турецким владыкой, но на сей раз этого не сделали. Мало того, главный крымский мурза, ненавидевший нового хана, отправился в Стамбул, где, упав на колени перед султаном и обливаясь слезами, просил за него, Саадет Гирея. Сулейман Великолепный, конечно, не отказал, и новый хан с отрядом турецких янычар вскоре прибыл в Крым. Он помнил: решение расправиться с молодым племянником Казы Гиреем и его братьями созрело не сразу. Саадет Гирей колебался. Говоря по совести, племянник не сделал ему ничего плохого, покорно принял свое смещение и заявил о готовности повиноваться дяде. Саадет сделал его своим калгой¹, однако это не давало ему покоя, и вскоре хан приказал умертвить юношу. Казалось, стало легче дышать, заговоры мерещились реже... Но это только казалось. Потом пришел черед других племянников. Он истребил почти всех родственников и не жалел об этом. Нет, не совсем так. Иногда в глубине души шевелилось что-то похожее на совесть, которая, впрочем, быстро успокаивалась. Все, что он ни делал, – делал на благо страны, ослабленной нападениями ногайцев и распрями знати. Благодаря его действиям в стране удалось навести порядок. Разумеется, не все оставались довольны его политикой. Не все крымские бей любили турок, которым он поклонялся... Недоброжелатели припоминали неудачные военные походы на Москву и Литовское княжество, а хитрый шайтан, племянник Ислям Гирей, правдами и неправдами хотел занять трон. Ислям Гирей, но не Девлет, его племянник и пасынок одновременно. Старик что-то путает. Ему надо опасаться другого родственника. Колдун зашевелился, будто прочитав его мысли.

– Я ничего не путаю, – прошептал он, кашлянув. – Может быть, и правильно, что ты не убьешь его. Я вижу, Девлет все равно прославит свое имя. Однако славы Чингисхана не добьется.

– При чем тут Девлет? – буркнул Саадет Гирей, словно разбуженный словами старика. – Он еще младенец и мне не соперник. Его отец Мубарек сложил буйную голову в Африке и тоже не претендует на престол. Меня беспокоит родной брат и другой племянник, Ислям. Кажется, они хотят скинуть меня с трона.

– Ислям не получит желаемого, – снова промолвил старец. – Тебе удастся укротить его, как дикого барса. Брату тоже недолго царствовать, если Девлет останется в живых. – Колдун бросил в огонь щепотку какого-то белого порошка, и пламя снова вспыхнуло, швырнув в хана горсть искр. – Если ты не хочешь услышать меня, ступай откуда пришел. Мне больше нечего сказать.

Саадет Гирей продолжал стоять, прислонившись к холодной мокрой стене, не произнося ни слова, будто ожидая продолжения беседы, но вдруг какая-то сила, как вихрь, как ураган, вытолкнула его из пещеры в жаркий полдень, и он снова оказался на склоне горы. Солнце палило немилосердно, обжигая желтую кожу щек, и хан начал осторожно спускаться вниз, на каменистую дорогу, где оставил коня. Разговор с колдуном не принес ожидаемого успокоения, наоборот, сердце билось еще тревожнее, тяжелый камень не упал с души. Что же получается? Его соперник – маленький Девлет? Но это неправда, что может сделать ребенок? Почтительный скромный ребенок, который почти не видится с ним и который ни разу не высказал желания поскорее вырасти, чтобы занять место своего отца. Зачем его убивать? У него еще кишка тонка сместить отчима с трона. Другое дело – братец, не раз воз-

¹ Калга (титул) – ближайший советник хана, второе по значимости лицо в иерархии Крымского ханства. Назначался лично ханом при вступлении на престол.

мушавшийся решением после гибели старшего брата посадить на трон среднего, хотя какая тут несправедливость? Есть еще и проклятый племянник... О Аллах, как тяжело нести эту ношу – власть, но как жалко ее бросить...

Саадет спрыгнул с валуна на дорогу и подошел к красивому ухоженному гнедому коню, покорно ждавшему своего хозяина. Хан потрепал его по пушистому загривку, конь лизнул его горячую руку.

– Ты один не предашь меня, – шепнул Саадет в ухо верному другу, не раз выручавшему его в боях. – Ты один... Все мои родственники – стая трусливых шакалов... Ничего, посмотрим, как они потеряют головы в борьбе со мной.

Он влез в седло и натянул поводья. Конь покосился черным глазом на хозяина.

– Домой. – Саадет знал, что его понимают с полуслова. Для его коня не требуется плеть. Животное тряхнуло гривой и понеслось к дворцу. Хан не любил свое жилище, считая, что крымский дворец недостаточно напоминает турецкий. Впрочем, последние дни его не утешили ни ласки наложниц, собранных со всего света, ни дети, ни жены. Тень заговора и угроза смещения его с престола давно витала в воздухе. Саадет надеялся, что колдун успокоит его, разрешит проблемы. Но мерзкий старец только все усугубил. Шайтан бы его побрал! И ведь наговорил лжи, шакал! Какой Девлет ему соперник? Когда в легкой дымке показались крыши дворца, хан призадумался. Проклятый старик все же посеял зерно сомнения. Что ему делать с Девлетом, как себя вести? Саадет опустил поводья, дав верному другу нести себя сначала по гористой местности, по белой пыли, забивавшейся в нос и рот, потом по степи с выжженной травой, степи, пахнувшей сеном и еще чем-то сладким, как шербет. Когда показались минареты мечети, он вскинул голову, принял царственный вид и прищипорил коня. Никто не должен знать, что разговор с колдуном расстроил его. Впрочем, кому об этом известно? Даже своей жене Селиме, матери Девлета, он ничего не сказал. Нет, не потому, что не доверял ей, как раз наоборот, просто боялся взгляда ее жгучих черных глаз, как ему казалось, осуждавших за то, что не уберег своего родного брата, ее мужа Мубарека, от гибели в далекой Африке. Много раз Саадет пытался объяснить ей: мол, это было невозможно, ее супруг сам принял решение участвовать в походе на Египет, но Селима будто не верила, отворачивалась, и длинные пушистые ресницы увлажняла слеза. Она так и не смогла полюбить его. И не сможет – он знал это с самого начала. Все протестовало в нем против женитьбы на этой женщине, однако укрепленная веками традиция жениться на вдове старшего брата не позволила избежать участи, печальной для обоих. Да, именно печальной, потому что они не были счастливы. Она почти не интересовалась делами мужа, только разве для приличия, все дни проводила с сыном Девлетом, и Саадет не представлял, как скажет ей, что подростка надо удалить из дворца. Да, надо – к этому решению он пришел, подъезжая к воротам резиденции. Привратник открыл ворота, и хан въехал на просторный двор и окинул постройки скужающим взором. Ханский дворец, похожий на небольшую крепость, возведенный его отцом Менгли Гиреем, многим казался шедевром: фонтаны, цветники, разбросанные в саду беседки и навильоны из резного позолоченного дерева, башня-хамам, солидное медресе... Как напоминание об отце, на портале красовалась надпись: «Владелец этого дворца и правитель этой области, государь величайший и благороднейший, Менгли Гирей – хан, сын Хаджи Гирея – хана, да помилует Аллах его и его родителей в обоих мирах». Саадет любил фонтаны, не такие большие, как в Стамбуле, потому что в Крыму вода добывалась с трудом, считалась источником жизни и благополучия, отрадой и надеждой: ее берегли и почитали. Источники воды всегда имели особый смысл и значение: для сбора питьевой воды – «чеиме», «абдез» или «магзуб» – для омовения перед молитвой, фонтаны «себил» – священные. «Сладкозвучные» фонтаны украшали ханские покои и улаживали слух. Хан спешил, вошел в беседку, в центре которой красовался небольшой фонтан в виде распустившегося цветка, погладил влажные лепестки, орошенные

водой, лизнул кристально чистую каплю и тяжело опустился на диван, на парчовые подушки. Верный евнух Махмуд тотчас подбежал к нему, взявшись словно ниоткуда.

– Как вы себя чувствуете, господин? Не принести ли вам холодной лимонной воды с шербетом?

Хан покачал головой и дёрнул бороду:

– Спасибо, Махмуд. Не думаю, что это мне поможет. Ты иди, я позову тебя. Мне нужно побыть одному.

Евнух исчез так же неслышно, как и появился. Саадет закрыл глаза и вдохнул свежий воздух, напоенный запахом роз. Он любил сидеть в летней беседке, словно ограждая себя от суетного мира резными стенами со вставками из цветного стекла вместо окошек. Причудливая игра красок завораживала. Мириады бриллиантов-капелек искрились желтым, красным, синим, зеленым цветами, превращая помещение в дивный калейдоскоп цветных бликов. Нежное журчание струй убаюкивало. Стало легче дышать, сознание будто прояснилось, и Саадет принял окончательное решение. Да, колдун прав, он не станет убивать своего племянника – пасынка, просто отправит его в Стамбул, где мальчик будет находиться под присмотром преданных ему, хану, людей. Если старый шайтан ошибся и со стороны Девлета ему ничто не угрожает – он вернет его со временем. Да, так и следует поступить. Иначе эта мысль сведет его с ума. А у него и так много проблем, проблем с родным братом и племянником Ислямом. Успокоившись, Саадет хлопнул в ладоши, и верный евнух возник перед ним, как призрак.

– Приведи ко мне Девлет Гирей, – приказал хан, – и поживее.

Евнух склонился так низко, как только позволяла ему больная поясница, которую он постоянно пачкал какой-то остро пахнувшей заморской мазью.

– Слушаю и повинуюсь, повелитель. Девлет Гирей предстанет перед твоими светлыми очами через мгновение.

Саадет Гирей раздраженно махнул рукой, словно говоря, чтобы слуга поторопился, но тот уже растаял в цветных бликах, оставив после себя едкий запах своего снадобья, приобретенного у старого иранца на рынке. Хан поражался его способности молниеносно исполнять приказания: наверное, желание угодить господину помогало преодолевать боль. Он привел Девлета, как и обещал, через мгновение, и дядя приказал племяннику сесть возле себя. Мальчик покорно опустился на диван, сложив руки на коленях и опустив глаза. Он как никогда походил на девочку, красивую восточной красотой: точеные брови-подковки, миндалевидные глаза с поволокой, длинные загнутые ресницы.

«Наверное, я зря беспокоюсь, – подумал Саадет Гирей и снова дернул себя за бороду. – Он скорее слабая женщина, чем мужественный воин. Нет, такой не способен свалить меня».

– Махмуд сказал, ты хотел поговорить со мной, великий хан, – прошептал мальчик, и яркий румянец залил чуть тронутые темным пухом щеки.

– Скажи, ты сильно привязан к матери? – спросил Саадет Гирей, пристально глядя на пасынка.

– Я люблю и почитаю ее, – отозвался Девлет Гирей.

– Но она не сделает тебя хорошим воином. – Хан прищурился. – А я хочу, чтобы сын моего брата, мой племянник и пасынок им стал и прославил род Чингисидов в славных боях.

Ресницы мальчика дрогнули, но он ничего не ответил.

– Завтра же на корабле ты отправишься в Стамбул, – твердо сказал Саадет Гирей, словно подчеркивая, что спорить с ним бесполезно. – Турецкие янычары – настоящие солдаты. Они обучат тебя военному искусству. Кроме того, ты увидишь родственников, которых никогда до этого не знал. Я передам с тобой послание для них.

Девлет по-прежнему не произносил ни слова, и хан с неудовольствием подумал: «Как женщина. Где уж такому сместить меня с трона!»

– Я не говорю, что ты уедешь отсюда навсегда, – вкрадчиво молвил Саадет Гирей и улыбнулся лисьей неприятной улыбкой. – Как только мне сообщат, что из тебя получился прекрасный воин, ты вернешься обратно.

Мальчик склонил голову, не поднимая глаз. Пушистые ресницы дрожали, но их не увлажнила слеза. Хан воспринял его молчание как согласие. Впрочем, в согласии пасынка он не нуждался.

– Ну, иди, собирайся, – уже резче сказал он и слегка подтолкнул его. – Иди, сообщи матери.

Девлет так же покорно отправился во дворец, а Саадет, встав, подошел к фонтану и подставил руку под слабую искривляющуюся струю. Он уже знал, что скажет жене, и это не прибавляло радости.

– Все равно здесь решаю я, – сказал он жестко. – И да будет благословенно имя Аллаха!

Глава 2

Наши дни. Турция

Жанна сидела на кровати, ощупывая синяки на руках, и лихорадочно думала, как отсюда выбраться. Проклятый Макс обещал помочь ей скрыться в Турции, в Стамбуле, клялся посылать деньги на ее карту, но вместо этого продал в бордель, причем в самый дешевый. Ей сразу показалось странным, что смуглые до черноты турки сомнительного вида повезли ее куда-то в горы, поселили в грязном отеле, который оказался публичным домом для пастухов и шоферов. Когда ей об этом сообщила проститутка с равнодушным лицом, видимо, готовая ко всему на свете, потому что в ее нелегкой жизни были и огонь, и вода, и медные трубы, Жанна устроила скандал, требуя отпустить ее. Но такие же маленькие грязные смуглые люди во главе с портье сначала избили ее, заломили руки, потом что-то вкололи в вену, и она вырубилась на долгое время. Позже, когда она очнулась и начала стучать в дверь, к ней в комнату вошел высокий турок, модно и дорого одетый, и на ломаном русском языке сообщил, что с этого дня ее работа – обслуживать клиентов.

– Если ты выкинешь что-нибудь, тебя ждет смерть, – пригрозил он, хлопая черными ресницами.

«Лучше смерть», – подумала она, но вслух этого не сказала. Ее опять начнут бить, вколют наркотик – здесь это практикуется – и заставят спать с отбросами общества. Подумать только, она и грязные пастухи, бедуины! Нет, нет и еще раз нет!

Турок внимательно наблюдал за ней, буравя глазами-маслинами. Ее молчание он воспринял как согласие. А куда деваться этой козе, пусть и красивой, похожей на Ким Бессинджер? Впрочем, сколько красивых было в его жизни! Конечно, все они попадали сюда обманом, потому что ни одна уважающая себя проститутка не захочет здесь работать. И многие смирились, хотя если бы его дочь попала в такое место, он пожелал бы ей скорой смерти. Девушки все равно умирали, но пройдя через унижения, побои, каждый день накачиваясь наркотиками. Гордую красотку ждет то же самое.

– Ты поняла меня? – поинтересовался он, убежденный, что Наташа (для него все русские бабы были Наташами) уже смирилась. Жанна опустила голову и ничего не ответила. В ее голове роились мысли о побеге. Нужно поговорить с девушками, изучить отель, узнать все ходы и выходы... Турок подошел к ней и взял за подбородок:

– Еще раз спрашиваю, поняла? Будь любезна с гостем. Сегодня к тебе придет наш лучший клиент.

Она взглянула в его сытое лицо и будто выплюнула:

– Да.

– Вот и умница. – Он ослабил хватку, вышел из комнаты, приказав ей принять ванну и привести себя в порядок, а через час к ней заглянула пожилая турчанка, положила на кровать голубое короткое платье с большим декольте, поставила вазу с фруктами и бутылку вина, вынула из шкафа два бокала и тихо удалилась. Молодая женщина съезжилась, чувствуя, что клиент сейчас зайдет. И он не замедлил явиться – толстый, даже не толстый – жирный сальный мужик, очень смуглый, с короткими седыми волосами, короткими ногами, кривым носом и волосатой грудью. По-русски он знал всего лишь одно слово – «привет». Ну и, наверное, Наташа.

Жанна кивнула в ответ, соображая, что дальше делать. Ладно, посмотрим, что станет делать он. Турок почмокал языком, коснулся ее светлых волос и что-то проговорил на своем гортанном языке. Жанна поняла, что он восхищается ее красотой. Конечно, она для него красавица, наверняка он редко видит кого-то красивее осла. Потом он подсел к ней, рванул платье, которое легко разошлось по швам, и снова восхищенно заохал, пораженный ее царственной

наготовой. Молодая женщина продолжала сидеть, как каменное изваяние, и клиент решил приступить к действиям. Молниеносно скинув с себя рубашку и брюки (боже, какой он противный, волосатый, как обезьяна), турок кинулся на нее, кусая гранатовые соски, сдирая трусы, дыша в лицо перегаром. Его руки пробирались в низ живота. Жанна почувствовала, как задыхается, машинально начала шарить по столу, нащупала вазу с фруктами, потом бутылку. Собрав последние силы, она стукнула ею о стол, красное вино залило белые простыни – и горлышком бутылки полоснула клиента по шее. Он сначала заорал, потом обмяк и, потеряв сознание, упал на нее, заливая своей кровью. Она вскочила, скинула его с себя, и ее стошнило прямо на турка. Жанна не думала, что его крики услышат за стенкой и через мгновение в ее комнату вломятся охранники. Ее снова били, теперь уже не боясь повредить лицо, и женщина подумала: ее ждет смерть. Но лучше смерть, чем такая работа... Когда она отключилась, ее поволокли в подвал и бросили там. Жанна очнулась в вонючей темноте, на грязных тряпках, не соображая, где она и который час. Рядом с ней плакала какая-то девушка. Силясь разглядеть ее в темноте, молодая женщина подползла к соседке. Ей показалось, что девушка очень юная и хорошенькая.

– За что тебя? – спросила она, надеясь, что соседка понимает по-русски.

– За то, что ударила клиента, – отозвалась девушка. Она действительно оказалась русской. – А тебя?

– А я его порезала, – не без гордости заявила Жанна. – Как тебя зовут?

– Света. А тебя?

– Меня Жанна. – Молодая женщина взяла ее за руку. – Что теперь с нами будет, ты знаешь?

– Хорошо знаю, – всхлипнула Света. – Нас убьют.

Жанна встала на ноги, застонала, но удержалась и не упала, успев опереться на стену.

– У нас есть шансы на спасение? – прошептала она.

Света покачала головой:

– Нет. Тут крепкие стены и хорошая охрана.

– Очень крепких стен не бывает. – Жанна принялась простукивать стены, пытаясь определить их толщину. – Да, это не сарай. Придется придумывать другой способ выбраться отсюда.

– Я же сказала, мы не выберемся, – упрямо повторила девушка. – Хочешь, скажу, что будет завтра утром? К нам придет с десятков грязных турок, они по очереди изнасилуют нас, а потом подвешат за ноги вниз головой. Мы умрем в мучениях.

– Посмотрим. – Молодая женщина решила сменить тему. – Как ты сюда попала?

Света всхлипнула и с охотой стала рассказывать печальную историю, очень знакомую, потому что о подобном пишут в газетах и кричат в Интернете. В российской глубинке ей не удавалось найти хорошую работу, она пробовала переехать в Москву, даже устроилась горничной в отеле, но денег на съемную квартиру все равно не хватало. И тут ей на глаза попало объявление. Требовались женщины для работы за границей. Им обещали такую зарплату, что глаза лезли на лоб. Подобных денег Света не зарабатывала и за полгода. Она пришла в агентство по найму, поинтересовалась, что придется делать. Ответ ее порадовал: в многочисленных курортных отелях Турции требовались уборщицы и горничные – как раз тем же она занималась и на родине, но платили ей в десятки раз меньше. Недолго думая, девушка собрала нехитрый скарб и вылетела в Стамбул. В тот же день ее привезли в бордель, не слушая криков и просьб, забрали паспорт и заперли в комнате. Когда к ней зашел тот лохотный турок, с которым разговаривала и Жанна, Света сказала ему, что она приличная девушка и ни за какие деньги не станет этим заниматься. Сводник усмехнулся.

– А у тебя нет выхода, – спокойно заметил он. – Подумай, ну куда ты денешься без документов? Здесь не Россия, попадешь в полицию, а там ой как несладко.

Света потребовала привезти консула, турок кивнул и вышел, но вместо консула привел двух дюжих ребят, которые избili ее до полусмерти и что-то вкололи. На следующий день

сводник объявил, что сейчас придет клиент и она должна быть с ним ласкова. Клиентом оказался потный противный турок, набросившийся на нее с порога. Но девушка не дала ему стащить с себя одежду – сразу ударила между ног. Он сначала застонал, потом заорал, прибежал сводник и бросил ее в подвал.

– Видишь, дорогая, у нас нет выхода, – плача, пробормотала Светлана. – Я слышала рассказы проституток. Хозяевам борделей хватает такого товара, поэтому они расправляются с непокорными.

Она тихо всхлипывала, а Жанна думала, думала, думала и ничего не могла придумать. Девушка права, бежать отсюда невозможно. Эти стены видели таких, как она. Турки знают, как с ними поступать. Ничего у нее не получится, видимо, скоро придет конец ее никчемной жизни. Она тоже забилась в угол и погрузилась в полудрему, ожидая своих мучителей. Когда дверь распахнулась, Жанна съежилась, словно хотела стать меньше, раствориться в темноте. Вошел турок-сводник, как всегда, прекрасно одетый, благоухавший дорогим одеколоном. За годы ведения бизнеса с представителями разных национальностей он выучил и английский, и даже русский, и на всех языках говорил одинаково плохо. Сейчас его сопровождали, к ее удивлению, не смуглые нукеры-дружинники, готовые избить до полусмерти беззащитных девушек, а толстый маленький человек европейского вида, в белой батистовой рубашке и черных брюках. Его лакированные модельные туфли явно стоили недешево. «Клиент, – мелькнуло в разгоряченном мозгу. – Сейчас подложит под него меня или Светку. Если меня – черт с ним. Главное, чтобы не грязный турок. Возможно, с европейцем удастся договориться».

– Вот эта. – Палец сводника с наманикюренным ногтем указал на Жанну. Значит, она не ошиблась. Ей действительно привели клиента. Толстячок осмотрел молодую женщину, кивнул и произнес на чистом русском языке:

– Такой я ее себе и представлял. Что ж, я ее забираю.

– Нужно бы еще подкинуть. – Турок помялся, опустил глаза. – Гляди, Ройтман, какая красавица. У нас бы она имела успех.

«Значит, его зовут Ройтман, – отметила про себя Жанна. – Точно не турок».

– Твоей жадности, Ибрагим, нет предела, – буркнул гость. – Хватит с тебя. И вспомни, сколько раз я вытаскивал тебя из передряг.

– Да я что... – Ибрагим (так вот как его звали) переминался с ноги на ногу. – Черт с ней, бери.

Жанна по-прежнему сидела в углу, не двигаясь. Толстяк взял ее за ледяную руку:

– Пойдем со мной.

– Пойду, если эту девушку тоже выпустят отсюда, – заявила молодая женщина. – Я не позволю, чтобы с моей соотечественницей, которую заманили сюда обманом, обращались поскотски и даже убили. Нет, я никуда не пойду без нее.

– Слышал? – Ройтман обернулся к Ибрагиму. – Для русских всегда было характерно чувство дружбы. Помнишь, мы спорили насчет этого? Ты утверждал, что на Востоке дружба крепче. – Он достал пухлый бумажник и вытащил несколько долларовых купюр. – Я покупаю и эту. Хватит? Думаю, с лихвой, потому что ты собирался ее убить. А с трупа ничего не получишь.

Ибрагим почесал затылок:

– Ладно, черт с вами. Берите и эту. На выходе ей вернут документы. Только билеты до России за твой счет, Ройтман.

– Разумеется. – Толстячок довольно потирал руки. – Девочки, вперед.

Он подтолкнул их к выходу. Света, не веря своему счастью, шла как приговоренная к смерти, которой объявили о помиловании. В голове Жанны крутились разные мысли. Неужели толстяк отправит их в Россию? Свете это даже в радость, но не ей. Там ее сразу посадят в тюрьму. Впрочем, в тюрьме лучше, чем в таком борделе.

Портье, любезный до тошноты, выдал им документы, получил от Ройтмана чаевые и даже попрощался на русском языке. Девочки вышли из борделя, и пыльный воздух окраины горной деревни показался им свежим и живительным.

– Садитесь в машину, – Ройтман подвел их к черному «Мерседесу», на водительском сиденье которого они увидели мужчину средних лет с носом, напоминавшем клюв орла, и снова достал бумажник. – Не знаю, девочка, как тебя зовут, но этого должно хватить на билет до дома. – Он сунул в бледную руку Светы несколько стодолларовых купюр. – Мы довезем тебя до аэропорта. Поезжай домой и больше не попадай в такие истории.

Только теперь бедняжка поверила в свое спасение. На бледных худых щеках заиграл румянец, губы раскрылись, блеснули белые острые зубы.

– Спасибо вам, – проговорила она. – Я не знаю, как вас благодарить.

– Лучшей благодарностью будет, если я о тебе больше не услышу, – хохотнул он, и машина плавно тронулась с места. Сначала она петляла по горным дорогам, потом выехала на шоссе и помчалась по асфальту. До аэропорта ехали долго, но никто не сказал и слова. «Мерседес» притормозил у входа в терминал, и Ройтман повернулся к девушкам:

– Прощайтесь.

Света крепко обняла Жанну своими прозрачными ручонками, еще раз поблагодарила спасителя и смешалась с толпой.

– Бедняжка, – процедил он с мечтательной улыбкой. – Впрочем, у нее все будет хорошо. Думаю, она больше не попадет в такую историю. Многие подобные ей после пережитого делают вывод: лучше жить на картошку, которую выращиваешь в огороде, чем на доллары, заработанные в дешевом борделе.

– Это верно, – согласилась Жанна. – Я тоже это поняла. Может быть, вы отпустите и меня?

Ройтман усмехнулся:

– В руки полиции? Думаешь, за это время о тебе уже забыли? Нет, дорогая, тебя разыскивает Интерпол, и твои милые фотографии есть в Интернете.

– Но зачем я вам нужна? – удивилась молодая женщина.

– А это ты сейчас узнаешь. – Он тронул птицеобразного шофера за плечо и коротко бросил: – Домой.

Машина снова помчалась по асфальтовой дороге, но на этот раз в горы не свернула, наоборот, доехала до моря, оказавшись в богатом квартале Босфора. Возле одного из белых особняков она притормозила, и Ройтман вышел из машины, подмигнув Жанне.

– Вот моя резиденция. Будь гостьей. Как видишь, мне посчастливилось приобрести особняк в прекрасном месте – это очень престижный район. Если ты что-то понимаешь в архитектуре, он построен в стиле необарокко.

В архитектуре Жанна никогда ничего не понимала, но отметила про себя, что особняк действительно шикарный, белый, с башнями по бокам.

– В нем пять этажей, двадцать две комнаты, гараж и сад, – пояснил Ройтман и что-то сказал в окошечко кованых ворот. Они разошлись в разные стороны, и «Мерседес» горделиво въехал в огромный двор. Перед особняком был разбит сад с клумбами, в которых красовались диковинные, никогда не виданные Жанной цветы, издававшие тонкий аромат французских духов. В трех фонтанах, один из которых был точной копией бахчисарайского «Фонтана слез», журчала вода. Где-то на деревьях (она узнала кипарисы, горделиво взметнувшие ввысь свои остроконечные вершины) щебетали птицы.

Ройтман поманил ее рукой, и по белым мраморным ступеням они прошли в дом, на террасу.

– Твоя комната будет на третьем этаже, – сказал он. – С балконом. С него, между прочим, открывается великолепный вид на Босфор. Ты была на Босфоре?

Женщина покачала головой:

– Не имела возможности. Вам прекрасно известно, в каких местах Турции мне посчастливилось, – она сделала акцент на этом слове, – побывать.

Толстяк усмехнулся, бережно взял ее за локоть и по ковровой дорожке повел на третий этаж. Жанна обратила внимание на позолоченные перила, картины в больших рамах, украшавшие стены, и мраморные статуи. Внутри резиденция Ройтмана чем-то напоминала Эрмитаж. Такая же лепка и произведения искусства. Может быть, дорогой архитектор и получил заказ – сделать интерьер, как в Эрмитаже? У богатых свои причуды.

– Нравится? – Хозяин открыл одну из дверей в длинном широком коридоре и провел туда гостью. – Видишь, какой контраст? Внутри, в коридоре, – Зимний дворец, а в твоей комнате – современность.

Эта современность была Жанне больше по сердцу. Вся комната была сделана в розовых тонах: розовые стены, розовое стекло на огромной люстре, розовый светильник над двухспальной кроватью, обычной кроватью, вовсе не в стиле Людовика XIV. Огромная плазменная панель матово светила со стены. Сквозь розовые портьеры пробивался солнечный свет. На круглом столике, к ее удивлению, лежала Библия.

– Люблю почитать эту книгу, – признался хозяин. – В ней можно найти ответы на многие вопросы. И вообще каждый образованный человек должен ее знать. Почитай перед сном, полезно.

– Если я найду в ней ответ на вопрос: «что вам от меня понадобилось», я действительно сочту чтение полезным, – усмехнулась Жанна.

– Зря ты богохульствуешь, – прервал ее хозяин. – В твоём положении нужно сходить в церковь и покаяться.

– Не могу ничем парировать, ибо вас совсем не знаю, – в тон ему ответила женщина. – Итак, может быть, скажете, зачем привели меня сюда? Неужели мы будем изображать Сулеймана и Роксолану?

Ройтман захохотал так громко, что спугнул какую-то маленькую серую птичку, которая черным глазком-бусинкой посматривала в окно.

– А ты не лишена чувства юмора, – задыхаясь, проговорил он. – Мне это нравится.

– Но вы привели меня сюда не для того, чтобы я вас веселила, – буркнула молодая женщина. Он поднял короткие толстые руки.

– Ладно, сдаюсь. Ты права, прелестная незнакомка. Чем скорее мы поговорим, тем будет лучше для всех. Приведи себя в порядок, моя милая, я знаю, что твой гардероб остался в борделе, и поэтому обо всем позаботился. Если не угадал с размером – извини. Видишь, в стену встроен шкаф? Там ты найдешь все необходимое. Эта дверца – в ванную комнату. Я тебя покидаю, встретимся на террасе за чаем.

Он ушел, а Жанна бросилась к шкафу, удивляясь, что злоключения не истребили в ней любовь к шмоткам. Надо сказать, Ройтман не пожалел денег. Это была не дешевая одежда, которой ее снабдили в борделе. Надев хлопковое белое платье с золотыми пуговками и посмотрев на себя в зеркало, женщина ахнула. Ройтман угадал ее размер. Кроме платья, на вешалках обнаружили: брючный костюм, пара юбок, несколько симпатичных кофточек и голубые джинсы. Внизу стояла обувь – от босоножек до сапог.

– Ничего не понимаю, – сообщила Жанна своему отражению в огромном зеркале. – Впрочем, убивать он меня не собирается, на маньяка тоже не похож. Если ему требуется содержанка вроде меня, не возражаю. Мне тут нравится.

Глава 3

1530 год. Крым

Девлет Гирей вспоминал поездку в Стамбул как что-то иллюзорное, происходившее не с ним. Слезы матери, непреклонный характер отчима, прощальный взгляд любимой наложницы отца Мириам, прекрасной полонянки из славянских земель, оказывавшей мальчику знаки внимания и пробудившей что-то похожее на интерес, влечение к женщине, а потом долгое и нудное путешествие по морю, которое он увидел первый раз в жизни. Увидел и поразился его изменчивости. В первый день плавания оно, изумрудное, спокойное, как вода в бассейне дворца, ласково омывало корабль, но наутро вспенилось, словно на что-то разозлившись, и швыряло корабль, как утлую лодчонку. Девлет лежал на кровати и боялся приподнять голову – его тошнило. Сопровождавший мальчика евнух постоянно спал, не особенно наблюдая за воспитанником, или бежал на палубу и сгибался пополам, сотрясаясь в спазмах рвоты. И лишь матросы, с ловкостью обезьян лазавшие по канатам, были спокойны, просто делали свое дело, и если Девлету удавалось поймать взгляд одного из этих смуглых просмоленных людей, они подмигивали ему и продолжали выполнять окрики капитана, самого главного на корабле, решительностью напоминавшего отчима. Девлет не думал о том, что Саадет Гирей от него избавился, – у мальчика не возникало таких мыслей. Он считал: так надо, воину-отчиму виднее, вероятно, там, в Стамбуле, его научат мастерски владеть оружием и скакать на лошади, составляя с ней единое целое. Он с нетерпением ждал, когда корабль причалит и окончится это утомительное плавание, и вот они прибыли в Стамбул, бросив якорь в бухте Золотой Рог, и слуги Сулеймана Великолепного, явившись за мальчиком в золоченой карете, повезли его во дворец. То, что увидел Девлет, поразило его. Мальчик всегда считал дворец, построенный в Бахчисарае его дедом, Менгли Гиреем, самым красивым местом на земле, но понял, что ошибался. Дворец Сулеймана Великолепного поистине был маленьким сказочным городком в большом городе. Огромные просторные покои, персидские ковры, изумительный сад, в котором можно было затеряться, как в лесу... Экзотические растения, издававшие умопомрачительный аромат... Фонтаны, озерца с прекрасными розовыми фламинго и другими птицами. Очарованный красотой и великолепием, Девлет не то чтобы забыл о слезах бедной матери – нет, при мысли о ней его сердце сжималось, – но боль разлуки притупилась. Великий султан, сразу взявший на себя заботу о маленьком двоюродном брате, на второй день пребывания Девлета в Стамбуле пригласил его к себе. Ступив в огромный зал, подросток почувствовал, как трясутся колени. Сулейман восседал на троне, гордый, величественный, грациозный, несмотря на полноту, с длинной для мужчины шеей и тонким орлиным носом. Подойдя к трону, ребенок опустился на ковер, благоговей перед султаном, но тот пухлой рукой приказал подняться, и визирь, облаченный в кафтан и шаровары, помог Девлету.

– Значит, вот ты какой, потомок Мубарека Гирея и мой двоюродный брат, – задумчиво проговорил Сулейман. – Знал я твоего отца и твоего деда. Он просил кое-что тебе передать. Почему именно тебе – не знаю. Должно быть, выделял тебя из всех внуков.

– Он покинул этот мир, когда я был совсем маленьким, – робко сказал Девлет. – Я почти не помню деда.

Сулейман откинулся на мягкую парчовую спинку трона.

– О, это был великий человек, настоящий воин, и ты станешь таким же! – Он тяжело вздохнул и провел холеной белой рукой по одутловатому лицу. – Ислам, принеси ему то, что для него приготовлено.

Молчаливый визирь с лицом, изрезанным морщинами, с белой, как снег, бородой, поклонился владыке, торопливо направился к выходу и минут через пять возвратился со свертком, завернутым в парчу.

– Возьми, – приказал султан мальчику. – Это принадлежит тебе.

Девлет с содроганием принял сверток, отметив, что он довольно тяжелый, развернул парчу и ахнул. Такого подарка от деда, которого он не знал, подросток не ожидал. В лучах солнца, пробивавшиеся сквозь овальные окна, на парче вспыхнула сабля, самая настоящая сабля, из чистого золота, с рукояткой, украшенной драгоценными камнями.

– О-о-о, – только и смог промолвить потрясенный мальчик, а Сулейман, улыбаясь в черную бороду, насмешливо поглядывал на него темными миндалевидными глазами.

– Это не простая сабля, – произнес он, видя, что Девлет еще не оправился от шока. – Тебе известно, что ваш род происходит от Чингисидов. Эту саблю твоему деду подарил сам Чингисхан, а его личный шаман Тэб-Тэнгри заговорил ее.

– Как это? – удивился Девлет, крепко прижимая саблю к себе, словно боясь, что грозный визирь, стоявший за его спиной, отнимет подарок.

– Менгли Гирей говорил, что Тэб-Тэнгри провел над ней несколько магических обрядов, – пояснил султан, – и поэтому сабля привязана к своему хозяину. Лучшее ее не терять, но если потеряешь – обязан ее найти. Она будет стараться вернуться к тому месту, где ты ее оставишь, если ее кто-нибудь заберет. Впрочем, горе тому, кто решит присвоить ее и не вернет настоящему хозяину. Он многократно пожалеет об этом, и несчастья обрушатся на его бедную голову.

Мальчик еще крепче прижал к себе грозное оружие.

– Я ее не потеряю, – заверил он Сулеймана Великолепного. – Я никогда ее не потеряю. А если кто-то попытается отобрать ее у меня, – он сделал паузу, и его черные глаза вспыхнули недобрый огнем, – клянусь Аллахом, он заплатится за это! Он пожалеет, что родился на белый свет!

Румянец обагрил его свежие щеки, как заря – небосклон, и султан, с интересом поглядывая на сына своего друга и родственника, подумал: «Да, из него вырастет великий воин. Надо сделать так, чтобы он был так же предан нам, как и его отчим. Надеюсь, в этом роду появился второй Чингисхан».

Глава 4

Наши дни. Стамбул

Она с удовольствием поплескалась под душем, снова надела хлопковое платье, плюхнулась на мягкую двуспальную кровать и закрыла глаза. Через приоткрытое окно до нее донолся запах цветущего сада и моря – ее любимые запахи. У родителей тоже дача у моря. Когда-то в детстве (Боже, как это было давно!) их с сестрой возили туда для оздоровления, но ей казалось – как рабочую силу. И правда, мать просила помочь вскопать грядки, полить цветы, Вика не возражала, ей это даже нравилось, а Жанна поднимала скандал. Почему-то выезды на дачу всегда следовали за визитами к маникюрше, и девушка боялась повредить лак.

– Зато фрукты и овощи ты ешь с удовольствием, – констатировал отец, и она в знак протеста ничего не ела с дачи и никогда не ходила на дикий пляж в трехстах метрах от их участка, с зеркально чистой водой. Теперь Жанна знала: окажись она в родном городе, первым делом поехала бы на дачу, поцеловала землю, перекопала бы все грядки, а потом побежала бы на пляж и бросилась бы в ласковые волны, омывавшие родные берега. Но наступит ли когда-нибудь этот день?

– Дорогая, ты готова? – послышался приторный голос Ройтмана.

Жанна лениво отозвалась:

– Да.

– К тебе можно? – Он слегка приоткрыл дверь. Молодая женщина встала с кровати, готовая спуститься вниз.

– Сейчас я накормлю тебя, – сообщил он, – ты проголодалась, я знаю. За столом и поговорим. Кстати, нас будет трое. К нам присоединится еще один человек, мужчина. Не спрашиваю, будешь ли ты против, потому что мне необходим этот человек так же, как и ты.

Она пожала плечами:

– Я не возражаю.

– Тогда пойдем. – Он галантно протянул ей руку, помог спуститься на террасу, где повар – то ли турок, то ли грек, очень смуглый и черноволосый, – накрывал большой стол. В тени высокого кипариса на плетеном стуле сидел молодой голубоглазый блондин с правильными чертами сурового, слегка тронутого загаром лица.

– Это Николас, грек, – представил повара Ройтман. – Готовит божественно, причем блюдо любой кухни. А это – он указал на незнакомца, – твой новый товарищ, Андрей Ломакин.

– Русский? – удивленно спросила молодая женщина.

– Такой же русский, как и ты, – убедительно ответил хозяин. – Андрей, просим к столу. Николас, налей нам по чарочке. Что вы предпочитаете? Водку, мартини, виски, вино?

Жанна выбрала белое, Ломакин – водку.

– За знакомство. – Гости чокнулись друг с другом, и Николас подал греческий салат, заправленный натуральным оливковым маслом, намного отличавшимся по вкусу от магазинного.

– Нас тут никто не подслушает, – сказал Ройтман, когда Николас удалился, чтобы принести другие блюда, – и посему я начинаю. Вы, наверное, заметили, друзья, что я человек, который любит все прекрасное. На протяжении всей моей жизни меня окружают самые красивые женщины, дорогие произведения искусства. Откуда произведения искусства? Видите ли, я коллекционер, много времени провожу на аукционах. Но бывает так, что мне до смерти хочется получить дорогую вещь, которая спрятана в подполье у другого коллекционера. Тогда я прибегаю к посторонней помощи, ищу людей, профессионалов своего дела, и они действительно помогают мне.

Ломакин подавился соком и закашлялся. Жанна заморгала длинными ресницами.

– Извините, господин Ройтман, вы хотите сказать: ищите людей, которые помогли бы вам украсть понравившуюся вещь?

– В данном случае слово «украсть» не совсем уместно. – Ее поразило, что толстяк смотрел ей в глаза с детской непосредственностью, как будто разговор шел не об ограблении, а о посещении выставки собак. – Скорее всего вещь, которая мне приглянулась, была украдена моим коллегой из какого-нибудь музея. Поэтому я не краду ее, а просто беру себе.

– Разные слова, а суть одна и та же, – процедил Ломакин.

Ройтман засмеялся.

– Мне странно слышать от вас обоих слово «кража», – заметил он, вытерев уголки губ салфеткой. – Впрочем, я не представил вас друг другу как следует. Вы не экстрасенсы, чтобы увидеть подноготную друг друга. Итак, – мужчина повернулся к Андрею, – рекомендую – Жанна Комлева, учительница биологии, по совместительству – главарь банды, грабившей семьи детей, которые имели несчастье заниматься с ней репетиторством. Однажды бедняжке не повезло: дома оказалась пожилая женщина. И что вы думаете? Она без зазрения совести пырнула ее ножом и скрылась.

По бледным щекам Жанны разлился румянец. Она заметила, какой презрительный взгляд бросил на нее Ломакин. Впрочем, он не лучше, раз оказался здесь.

– А теперь пришла очередь представить вас, Андрей. – Ройтман щелкнул пальцами. – Лучший взломщик сейфов, как простых, так и электронных, по совместительству, как и ты, Жанна, бывший порядочный человек, инженер-электронщик по образованию.

– Я никогда не получал удовольствия от ограбления, – прошипел Ломакин. – Если вам известно обо мне все, вы знаете, что меня заставили это делать, шантажируя сыном.

– Как бы то ни было, вы оба разыскиваете Интерполом и в настоящее время скрываетесь в Турции, – констатировал толстяк. – Вы нужны мне, потому что с вашей помощью я хочу заполучить очередную ценную вещь. Но, в отличие от вашего однокурсника, Андрей, который хотел поработить вас на всю оставшуюся жизнь (сейчас вы спросите, откуда я все знаю: я обязан все знать и потому слежу за тем, что делается у нас в России), я предлагаю очень хорошие условия.

– Какие же? – встрепелась Жанна.

Толстяк скрестил короткие ножки:

– Во-первых, мое поручение будет разовым. Вы принесете мне вещичку и можете катиться на все четыре стороны. Во-вторых, разлетитесь вы с приличной суммой денег. Я знаю, Андрей, что у вас есть жена и сын, а у тебя, Жанна, родители и дочь. Я заплачу вам столько, что вы заберете их и поселитесь на каком-нибудь уютном острове, где станете спокойно наслаждаться жизнью. Как вам такой вариант?

– А если мы не согласимся? – подал голос Андрей. – Вы убьете нас?

Толстяк дернул круглой, почти без шеи, головой:

– Вовсе нет. Я вас отпущу. Совсем. Попробуйте поколесить по миру или вернуться в Россию без денег. Тюрьма вам гарантирована. Думаю, тебе, Жанна, вообще светит пожизненное. Но даже если меньше, подумай о том, когда ты покинешь тюремные стены и какой выйдешь. Большой старухой, на которую взглянут разве что из жалости? А вашей семье, Андрей, в ближайшее время понадобятся деньги на реабилитацию. С таким диагнозом, как у вашего сына, нельзя очень уж сильно надеяться на светлое будущее. Болезнь может вернуться, и что вы станете делать тогда? А если она даст о себе знать, когда вы будете отдыхать за решеткой?

Жанна и Андрей переглянулись. Этот мерзкий толстяк предлагал неплохой вариант.

– Ладно, давайте еще ближе к делу. – Жанна закинула ногу на ногу. – Какую такую вещицу и у кого мы должны украсть?

– Давайте сначала поедим горячего. – Ройтман облизнул языком губы. – Николас готовит великолепные отбивные. – Он два раза хлопнул в ладоши, и повар вырос перед ним с большим дымящимся блюдом в руках. В отличие от хозяина, смаковавшего каждый кусок вкуснейшего мяса, Жанна и Ломакин ели торопливо и без особого аппетита. Наконец, когда Ройтман насытился, еще раз залив жир вином, он приказал повару убрать со стола, а сам пригласил гостей в плетеные кресла под тень кипарисов.

– Здесь нежарко, – пояснил он, вдыхая солоноватый запах моря. – И мы можем договорить. Что вы слышали о Девлет Гирее?

Жанна и Андрей снова переглянулись.

– Гирей – это, кажется, династия крымских ханов, – вспомнил Ломакин. – Впрочем, я не уверен.

– Точно. – Жанна постучала пальцем по белому лбу. – Я была в Бахчисарае, во дворце. Нам рассказывали про всех ханов. Того, кто приказал сделать Фонтан слез, тоже звали Гирей. Не он ли это?

– Его предок, – кивнул Ройтман. – Если вам ничего не известно, кратко ввожу в курс дела. Когда-то шаман заколдовал саблю Чингисхана, как говорят у нас сейчас, на успех. Владеющий ею должен был владеть всем миром. Чингисхан почти добился этого. После его смерти сабля перешла к его родственнику, крымскому хану Девлет Гирею, который потерял ее в сражении под Тулой. Что только он не предпринимал, чтобы ее вернуть! Но ничего не вышло. Понимаете, если сабля находится в руках других людей, она начинает приносить им несчастья. В истории известны несколько человек, пострадавших из-за нее. В настоящее время она хранится в подпольном музее у коллекционера Павла Завьялова. Вам нужно будет украсть ее у него.

– Значит, хотите владеть миром? – усмехнулась Жанна и поправила светлые волосы. – Не бойтесь, что и на вас посыплются несчастья?

– Это уж мое дело, – буркнул Ройтман. – Вас это не касается. Ваша задача – украсть саблю и получить хорошую сумму. Хорошую, слышите?

– Как же мы ее украдем? – удивился Ломакин. – Он наверняка бережет ее как зеницу ока. Толстяк поднял руку, призывая их к молчанию.

– Сейчас я вам все расскажу. Вам придется вернуться в Россию. Мои люди уже приготовили паспорта, нужны только ваши фотографии.

– Вы знали, что мы согласимся, – прошептала Жанна.

– Только дурак отказался бы от моего предложения, – буркнул Ройтман. – Итак, повторяю: вы полетите в Россию. Мои агенты сообщили, что его подпольный музей находится в загородном доме. У меня нет сомнений, что сабля там. Почему Завьялов построил дом практически на болотах? Чтобы никто не догадался о его подпольном музее.

– Допустим, мы доберемся до этого дома, – кивнул Андрей. – Как мы проникнем внутрь?

– Завьялов любит все красивое, в том числе и женщин, – пояснил Ройтман. – Я придумал для вас легенду. Ты ведь биолог по образованию, Жанна?

– Недоучившийся, – призналась женщина. С ее жизненными перипетиями ей так и не удалось получить диплом. Это начинало не нравиться директору школы, в которой она работала. Если бы не случай со старушкой, наверняка бы ее уволили.

– Мне это известно, – кивнул хозяин. – Но как учитель ты была на хорошем счету, готовилась к урокам.

«Откуда тебе все известно?» – подумала Жанна.

– Я говорю это к тому, что тебе не составит труда убедить Завьялова, что ты изучаешь местную флору и фауну, – продолжал толстяк. – Если он вздумает тебя экзаменовать – пусть это сделает. Уверен, ты ответишь на интересующие его вопросы.

– Но вы не ответили, как мы попадем в дом, – подал голос Андрей.

– Вы постучите в его ворота и скажете, что заблудились, – пояснил Ройтман. – Заблудились, изучая местную флору и фауну. Жанна – главная в вашей маленькой экспедиции, а вы, Андрей, – ее помощник.

– Допустим, он впустит нас в дом, пожалеет, – встряла молодая женщина. – Неужели вы думаете, что я так сразу его своей красотой, что он покажет мне подпольный музей и позволит утащить саблю?

Ройтман расхохотался:

– Нет, твое чувство юмора мне поистине нравится. Дальше в дело вступает Андрей. Ты будешь отвлекать Завьялова, если надо, станешь его любовницей, а наш друг Ломакин осмотрит дом. Я слышал, Завьялов – большой поклонник Акинфия Демидова, представителя знаменитой династии. Он, кстати, тоже владел саблей, а вот куда она делась после него и где ее отыскал Завьялов – никому не известно. Если Павел – поклонник Акинфия, следовательно, музей находится в подземных кладовых. У Демидова к ним вела потайная дверца, которая скрывалась за шкафом со специальным механизмом. Постарайтесь, Андрей, прежде всего изучить шкафы. Вдруг повезет. Мне кажется, что у Завьялова электронный ключ. Вам, как радиоэлектронщику, будет легко считать с него информацию. Вроде бы вы даже изобрели какой-то прибор.

– Если он оставит его на видном месте и будет минут десять развлекаться с Жанной, – усмехнулся Ломакин, вытирая вспотевший нос.

– Да, вам обоим придется постараться за эту сумму. – Ройтман придвинул к себе салфетку, вынул паркеровскую ручку и что-то написал. – Смотрите, это на каждого.

Жанна первая схватила салфетку. Ее зеленые глаза округлились, напомнив советские пятикопеечные монеты.

– Вы это серьезно?

– Я никогда не обманывал своих работников, – заверил Ройтман.

– Тех, кто оставался в живых после ваших предприятий, – съязвил Андрей.

– Если они всё делали умно и правильно, то, поверьте мне, оставались, – сказал хозяин. – Разумеется, я не могу всего предусмотреть – в его доме я никогда не был. Да он и не пустил бы меня.

Жанна сидела в плетеном кресле, потеряв дар речи. Сумма, предложенная Ройтманом, была действительно сказочно велика и давала возможность все начать сначала. За такие деньги можно попробовать рискнуть.

– Когда мы выезжаем? – поинтересовалась она, слегка оправившись от шока.

– Сегодня ночью, – отозвался Ройтман. – Сейчас вас сфотографируют, останется только наклеить фотографии. Перед этим вас слегка заgrimируют и используют фотошоп, сделав моложе. Видите ли, вам придется дня три бродить по болотам, чтобы добраться до его дома. Никакой грим не выдержит. Если Завьялов потребует паспорта и найдет некоторое несходство, это можно будет объяснить давностью фотографии. А теперь, – он достал борсетку из крокодиловой кожи и вынул карту, – изучите это. Из аэропорта вам придется выехать на автобусе, потом пересечь на электричку, выйти на станции и дальше идти пешком. Разумеется, я снабжу вас консервами, необходимой одеждой, палаткой и вещами.

Ломакин взял карту. Жанна встала с кресла и подошла к нему.

– От железнодорожной станции нам придется тащиться по разбитым дорогам, тропинкам и болотам, – заметил Андрей. – Вы когда-нибудь ходили по болотам?

Молодая женщина покачала головой:

– Я жила в приморском городе. В его окрестностях не было болот. А ездить в болотистую местность на экскурсию не было желания.

– Теперь придется. – Ломакин проводил Ройтмана недобрым взглядом. – Этот жирный боров все просчитал. Во всяком случае, ему так кажется.

– А вам кажется иначе... – протянула женщина. Когда впереди замаячили деньги, страх куда-то улетучился, появилась вера в лучшее. – Думаю, у нас есть шанс попасть к этому Завьялову.

– Шанс есть всегда, – кивнул электронщик, – но у нас с вами он очень призрачный.

– Я готова рискнуть, – вздохнула Жанна. – У меня нет другого выхода. Возвращаться в турецкий бордель я не собираюсь – лучше смерть. Сидеть в российской тюрьме пожизненно – тоже не собираюсь. А вас как нашел в Турции Ройтман?

– Просто встретил в аэропорту, – признался Андрей. – Агентура его работает великолепно. Ладно, давайте оставим лирику. Хочешь не хочешь, идти придется. Мне кажется, лучшее, что мы сейчас сможем сделать, – отдохнуть перед дорогой. Идите в свою комнату. Я еще немного посижу здесь, лучше изучу карту, потом тоже прилягу.

Жанна зевнула:

– Да, пожалуй, вы правы.

Глава 5

1540 год. Стамбул – Крым

Десять лет пробежало, как один день. Девлет рос, обучался военному искусству у лучших янычаров, и вскоре мастерски владел оружием и держался в седле как влитой. Стройный, как тростинка, с тонкими чертами лица, он пленил не одну женщину, но ответил на любовь только прекрасной наложницы Нариме, приглашая ее ночами в свои покои и предаваясь страсти с белокурой полонянкой.

– Скоро ты уедешь, я это чувствую, вернешься к себе на родину, – Нариме жадно всматривалась в лицо любимого, словно желая запомнить его на всю жизнь, – клянусь Аллахом, я никогда не полюблю другого.

– Если мне придется уехать, ты отправишься со мной, – обещал Девлет, но сам не верил своим словам. Если ему придется уехать, он вряд ли возьмет наложницу. Она принадлежит Сулейману, и не важно, что султан не проявляет к ней интереса и делает вид, что не замечает, как привязан к ней Девлет. Впрочем, вряд ли он уедет отсюда. Как-то в доверительной беседе Сулейман в сердцах воскликнул:

– Ты слишком хорошо относишься к Саадет Гирею! Может быть, и он к тебе неплохо, но в борьбе за власть все забывают о чувствах – даже родственных! То, что Саадет Гирей тебя не убил сам и не приказал сделать это своим верным псам, – чудо. Благодарю Аллаха, что он сохранил тебе жизнь.

Девлет Гирей задумался над его словами. Что ни говори, а султан прав. Его холеные, но сильные руки тоже обгажены кровью. Жизнь во дворце многому научила Девлета. Он понял, что стены дворца хранят тайны, по большей части очень мрачные. Сколько людей было заколото и отравлено в роскошных комнатах! Блестящая дорогая парча, мебель, изысканная роспись на стенах не улучшали атмосферу этого города в городе. Встроенные в стену фонтаны своим журчанием часто не скрывали стоны несчастных... Длинная труба, спускавшаяся к морю, принимала в свои чудовищные недра провинившихся невольниц. Девлет никогда не видел, как убивают, но узнавал об этом от других, говоривших шепотом, боявшихся поплатиться за свою откровенность. Убивали ночью, а потом в Фонтане Палача, мирно журчавшем возле городских ворот, мыли окровавленные орудия преступления. Сулейман выносил смертные приговоры довольно часто и с поразительным спокойствием. И паренек усвоил незыблемое правило сильных мира сего: если хочешь добиться власти – переступи через жалость, любовь и другое – то, что многие, наверное, считают жизненными ценностями. И он старался воспитать себя настоящим воином, искоренить чувства, которые, по его мнению, будут мешать в будущем.

– Когда-нибудь ты станешь ханом, – говорил ему Сулейман уверенно. – Мне кажется, Саадет Гирей недолго продержится на троне.

Девлет не верил его словам. Дядя выслал его, десятилетнего ребенка, чтобы Девлет не претендовал на власть, когда мальчик еще и не помышлял об этом. Неужели сейчас Саадет Гирей откажется от лакомого куска? Однако, на его удивление, Сулейман не ошибся.

Как гром среди ясного неба однажды прозвучали его слова о том, что Саадет Гирей добровольно отрекся от власти.

– Крымские беи требуют поставить кого-то из рода Чингисидов, – сказал султан. – Тебе уже восемнадцать – прекрасный возраст для того, чтобы принять власть. Мы многому научили тебя, и, я надеюсь, ты не забудешь этого и станешь нам верным другом и союзником.

Девлет Гирей преклонил колена.

– О великий султан, – начал он, – клянусь Аллахом, что никогда не забуду твоих благодеяний.

– Иди сюда, мой мальчик. – Сулейман крепко обнял его. – Помни, что и мы твои верные союзники. Ты всегда можешь обратиться за помощью. Ты должен поехать на родину и попытаться заслужить уважение крымских беев. Если тебе удастся сделать это в короткий срок, то я назначу тебя ханом и смещу Ислям Гирея. Крымские беи уже провозгласили его ханом. Ислям передал мне депешу с корабельщиками. Ох уж эта татарская хитрость! В самых изысканных выражениях он просит меня назначить достойнейшего из достойных и обещает покориться любому решению, однако я этому не верю. Повторю, я отправляю тебя на родину, чтобы ты пригляделся к обстановке и понял, сможешь ли взять власть в свои руки. Ислям Гирей многое знает и умеет, лучшего советчика тебе, пожалуй, не сыскать. Я назначу его твоим калгой. В общем, – он нервно теребил бороду, – поезжай, брат мой, и срочно сообщи мне по приезде, что делается в Крыму.

Они еще раз обнялись, и снова, как десять лет назад, золоченая карета повезла Девлета в порт. Юноша подумал о том, что не слишком хочет на родину. Конечно, он был бы рад увидеть мать, женищину, все эти годы помнившую о нем, передававшую письма, выражавшую надежду, что доживет до того момента, когда ее мальчик обнимет ее. Да, во дворец стоило вернуться ради матери и той власти, которую ему, возможно, предстояло взвалить на свои плечи. Восходя на корабль, Девлет улыбнулся морю как старому знакомому. Живя в Стамбуле, он привык к нему, и порой, приходя на берег, делился с ним своими думами. И, казалось, оно отвечало то гулом, то легким шурианием...

– Когда я увижу тебя снова? – прошептал он. – Ты омываешь берега моего ханства, но тебя нет в Бахчисарае. Я буду скучать по тебе.

Море качнуло корабль, словно отвечая ему, и Девлет, посерьезнев, направился в каюту. В голове крутились поучения великого султана. Необходимо окружить себя нужными, преданными людьми, избавиться от врагов и от сомнительных друзей без всякого сожаления, даже если они твои родственники. Избавиться от них – или они со временем избавятся от тебя. Когда корабль оторвался от причала, Девлет вышел на палубу, чтобы проститься с турецкими берегами, бросить прощальный взгляд на крыши дворца султана. Нариме обещала, что помашет ему с крыши, но он ее не увидел. Может быть, от волнения не разглядел худенькую фигурку? Как бы то ни было, эта женищина уходила в прошлое. Приехав в Крым, он создаст свой гарем, где будут жить первые красавицы мира. И гарем сделает большим, как у Сулеймана Великого. Для этого придется перестроить дворец, создать некое подобие резиденции султана. Может быть, еще больше и роскошнее... Он обязательно завоюет полмира, если не весь мир. Теперь у него есть сабля, прекрасней которой нет на свете. Впрочем, дело не в ее красоте, хотя это настоящее произведение искусства, наверняка созданное великим мастером. Заговоренная шаманом Чингисхана, она поможет ему стать таким же завоевателем, как его предок.

Так думал Девлет Гирей, пока корабль на всех парусах несся к Крымскому полуострову. Когда он причалил к родной земле, золоченая карета, менее роскошная, чем в Стамбуле, повезла его во дворец. Юноша завернул саблю в несколько слоев парчи и надежно спрятал в корзине. Никто из его родственников, даже мать, не должен знать о ней. Долгое нудное путешествие по разбитым дорогам – и вот наконец дворец, где он родился и провел восемь лет. У ворот его уже ожидали крымские беи с рыжеватыми бородами, надеясь на перемены в государстве. Им удалось сместить ненавистного Саадет Гирея, который решил сделать из татар турок, и произошло это довольно мирно. Бесконечные смуты и заговоры в стране надоели уставшему от власти хану. Он от всего сердца желал Крыму добра, но Крым не принимал его идей. Неблагодарные подданные никак не хотели превращаться в любимых турок. Саадет Гирей понял, что ему достался плохой народ. За девять лет правления хану так

и не удалось создать себе в Крыму «маленькую Турцию» и сделать свою столицу «пригородом Стамбула» – своего идеала. В конце концов хан принял решение отречься от престола и уехать жить в Стамбул, самый любимый, самый красивый город на свете, и наслаждаться мирным морем Босфора и нежно журчащими фонтанами султанского дворца. Девлет Гирею уже не суждено было увидеть своего дядю и отчима – они разминулись в пути. Мать, совсем высохшая, здорово постаревшая, осталась во дворце, с нетерпением ожидая сына. Девлет Гирей поздоровался с поклонившейся ему знатно и прошел через ворота во двор. Вот и беседка, в которой восемь лет назад отчим сообщил ему о его поездке в Стамбул. А вот и мать, одетая в малиновый кафтан, плотно обтягивающий худощавый стан, с золотым галуном на высохшей груди, в бархатной шапочке под цвет кафтана, украшенной золотыми монетами, протягивает к нему худые костлявые руки:

– Наконец ты вернулся, сынок! Ты стал настоящим воином, слава Аллаху!

Юноша смущенно поправил тюрбан.

– Я старался, мама.

Он еле сдержал предательскую слезу, показавшуюся в уголке глаза.

– Мой дорогой мальчик. – Селима взяла его под руку и повела в беседку. – Давай немного посидим здесь.

Девлет сделал несколько шагов и остановился:

– Я не могу, мама. Люди ждут меня, наверное, уже полдня. Я должен с ними поговорить.

Так велел Сулейман.

Фиолетовые губы припали к его уху:

– Мальчик мой, остерегайся своего дядю Сахиба, – прошептала мать. – Он пытался сместить Саадета, делая вид, что помогает ему. Своими интригами вместе с Ислямом Гиреем он сделал все, чтобы его возненавидели. Аллаху известно, я не любила Саадета, он не смог заменить мне Мубарека, но Сахиб и Ислям гораздо страшнее и опаснее его.

Юноша наклонил голову, внимательно слушая женщину.

– Если Сулейман примет решение назначить тебя, ты должен хорошо подумать, кого выберешь калгой, – продолжала мать. – От этого многое зависит. Приглядишься к мурзам Саадет Гирея, может быть, выберешь кого-нибудь из них. – Она вдруг оборвала себя, сжалась, словно стала меньше ростом, и Девлет, проследив ее взгляд, увидел высокого мужчину, в длинном чекмене и штанах с широким поясом, очень похожего на своего отчима: такие же хитрые узкие лисьи глаза, острый нос, желтая смуглая кожа, тонкие губы. Юноша догадался, что это его дядя Сахиб Гирей.

– Капы-кулу² сказали мне, что ты прибыл, дорогой. – Он распахнул объятия, принимая Девлет Гирея. – Так получилось, что я загостился во дворце своего брата, который теперь принадлежит тебе. – Ох, до чего неприятна была его усмешка – прямо шакал! – Ты ведь не выгоняешь меня?

Юноша покачал головой:

– Конечно, нет, дорогой дядя.

– Отлично, – кивнул Сахиб и положил тяжелую смуглую ладонь на плечо племянника. – Пойдем в покои, мой дорогой. Ты устал с дороги и, наверное, хочешь есть.

Девлет Гирей не стал отказываться. Он действительно устал после долгой и утомительной дороги и чувствовал голод. Мать и дядя провели его в комнату, довольно просторную, стены которой были увешаны коврами и оружием. На полу служанки разостлали скатерть, положили подушки и теперь суетливо уставляли скатерть разными яствами: вяленным конским мясом, пирогами с мясом – кобете, рисом. По краям расставлялись напитки: айран, язма, буза.

² Капы-кулу – в переводе с тюркского «рабы дверей», своего рода «гвардейцы» хана.

Девлет с наслаждением опустился на мягкие подушки и поблагодарил Аллаха. Он не забыл, что у татар издавна уважительно относились к еде. Запрещалось выбрасывать на землю даже маленький кусочек или ругать кушанье. Оно всегда рассматривалось как благодать Аллаха. Мать часто цитировала строки Корана: «Верующие! Ешьте из тех благих снедей, какими мы наделяем вас, и благодарите Бога, если вы ему поклоняетесь. Он запретил вам в пищу мертвечину, кровь, свинину и то, что было заколото с именем других, а не Аллаха».

Омыв руки из сосуда, заботливо поднесенного служанкой, Девлет принялся за еду. Он брал всего понемногу и ел с большим аппетитом. Сахиб лукаво посматривал на племянника своими хитрыми глазами, и это раздражало и пугало юношу.

– После обеда я покажу тебе комнату, приготовленную для сна, – сказал он. Однако Девлет покачал головой:

– Я хотел бы прогуляться по окрестностям. Сон никуда от меня не уйдет, впереди целая ночь. Я соскучился по родной земле, дядя.

Сахиб наклонил голову:

– Что ж, это хорошая идея. Хочешь – тебе снарядят лучшего коня, и ты прокатись за ворота.

Юноша согласился. Ему хотелось продемонстрировать свое искусство наездника.

– Тебе снарядят Булата, – продолжал Сахиб. – Хороший конь, немного с норовом, но тебя же учили верховой езде лучшие наездники Стамбула...

Ноздри Девлета дрогнули. Он подумал, что дядя всегда будет радоваться любым его промахам.

– Ты прав, – произнес он. – Булат так Булат.

Сахиб щелкнул пальцами и приказал подошедшему к нему капы-кулу:

– Приготовьте коня для моего племянника.

Послушный раб исчез, как призрак, и Девлет, ополоснув руки, поднялся, ощущая приятную тяжесть в животе. О Аллахе, как же вкусны блюда его родной земли!

– Слуги этого дворца довольно исполнительны, – пояснил Сахиб Гирей, выходя с племянником во двор, – видишь, вот и Булат. Как он тебе?

Юноша потрепал коня по мускулистой шее, тонкие пальцы пробежали по гладкой, как шелк, шерсти. Конь, словно почувствовав в нем прекрасного наездника, потянулся губами к руке Девлета.

И без того узкие глаза дяди стали еще уже, как щелочки.

– Смотри-ка, признал тебя, бродяга, – усмехнулся он в черные с рыжинкой усы. – Поезжай, прокатись.

– Подождите минуту, – обратился юноша к конюху, переминавшемуся с ноги на ногу в ожидании приказа. – Я сейчас выйду.

Провождаемый внимательным взглядом черных узких глаз родственника, он быстро вбежал во дворец, в отведенные ему покои, и достал из-под многочисленных тюков с одеждой небольшую кожаную сумку. Посмотрев внутрь, Девлет улыбнулся и направился к тому месту, где его ожидал конь. Сахиба он не увидел. Чернявый конюх передал ему поводья и напутствовал:

– Добрый конь Булат. Только будь начеку, господин. Иногда он норов свой выставляет, скинуть может.

Девлет кивнул, показывая, что понял его, вскочил в седло, натянул поводья – и Булат понесся за ворота дворца, выбежал на белую каменистую дорогу и, перейдя в галоп, вынес юношу на небольшой каменный холм. Он остановил коня и осмотрелся по сторонам. У холма каменистая дорога раздваивалась, будто река, на два рукава. Одна вела в горы, к пещерам, которыми его пугали в детстве. Другая спускалась в бескрайнюю степь, серую от пыли, издававшей терпкий пьянящий запах. Юноша нахмурил точеные, как у восточной красавицы,

брови, и погрузился в свои мысли. Из задумчивости его вывел хриплый голос, показавшийся знакомым:

– Думаешь, куда путь держать?

Молодой татарин оглянулся и увидел невысокого дервиша неопределенного возраста, в рваном полосатом халате и засаленной чалме. Почти черные от загара кисти рук цепко ухватили Булата за повод. Девлет встречал дервишей – обычных нищих – еще в детстве и слышал от матери, что они обладают даром ясновидения и могут предсказывать будущее. В Крыму простые люди любили их, всегда приглашали за стол, выставляя обильные яства, и с удовольствием слушали, как дервиши клеймили султанов, ханов и беев и с восторгом вспоминали былые времена, когда, по их мнению, на земле царили мир и равноправие. Девлет открыл кожаную сумку, покопался в ней и, вытащив монету, протянул ее нищему:

– Держи!

Тот равнодушно взял ее двумя пальцами и поклонился со смешком:

– Благодарить тебя не буду. Богатства несметные у тебя, а ты нищему копейки подаешь.

– Прости, что есть, – отозвался Девлет, – в следующий раз, если встретимся, дам больше.

– А мы не встретимся. – Дервиш провел рукой по потному лицу. – По разным дорожкам пойдем. Как сейчас. Тебе лучше к пещерам податься, а я в степь спущусь.

– Почему мне лучше скакать к пещерам? – удивился юноша. Дервиш хитро улыбнулся:

– Да потому что груз у тебя ценный, спрятать надо. Степь – она всем ветрам открыта, а то, что у тебя в котомке, в мышинной норе не спрячешь. А в пещерах спрячешь все что угодно.

– Думаешь, нужно прятать? – поинтересовался юноша. – Я сомневаюсь.

– Сомневаться тебе нечего, – бросил нищий, поглаживая усы. – В котомке у тебя то, что терять и дарить нельзя. Потеряешь – не найдешь. Жизнь твоя изменится не в лучшую сторону. Так что раздумывать нечего.

Девлет опалил его взглядом черных жгучих глаз:

– А ты не ошибаешься, бродяга?

Нищий покачал головой:

– Мы не ошибаемся. Станешь ханом – вспомни мои слова. – Он тяжело вздохнул, на большом лбу собрались глубокие морщины. – Тебе бы лучше во дворец не возвращаться... Да только вернешься, я знаю...

– Вернусь, – сказал Девлет. – Мне больше некуда идти. Знаю, что дядя мне не рад, только не боюсь его.

– Может, и правильно, что не боишься. – Дервиш потрепал коня по загривку, и на удивление Девлета Булат не шевельнулся. – Ничего он тебе не сделает... Ну прощай, некогда мне, идти надо, товарищи ждут.

Он поклонился юноше и поплелся вниз, поднимая белую пыль. Несколько минут Девлет смотрел ему вслед, потом прищипорил коня. Он направил Булата, ни разу не проявившего бурный норов, о котором предупреждал конюх, к пещере, знакомой с детства. Когда-то слуги отца водили его сюда, но это было давно. Интересно, изменилось ли что-нибудь в маленьком пещерном городке за многие годы, проведенные на чужбине? Девлет радовался, что никто не попадался ему на пути. Впрочем, кого могло занести в пустынный пещерный городок? Даже вездесущие дервиши посещали его довольно редко: здесь не встретишь добрых людей, которые могли дать им немного денег или пищи. Лишь крымские орлы летали над горами, распластав крылья и поглядывая вниз бусинками глаз. Когда перед конем внезапно закончилась дорога и путь перегородила высокая скала, острыми зубцами, казалось, проколотившая небо, он встал как вкопанный. Девлет прыгнул на землю, привязал Булата к острому выступу и начал под-

ниматься по крутому склону. Несколько раз каменистая почва будто уходила из-под ног, камни летели вниз, на Булата, и он ржал, недовольный, но Девлет, хватаясь руками за холодные выступы, продолжал путь к большой пещере. А вот и она. Вход на краю скалы, оцетившись, зиял, как разинутая пасть льва. Юноша с легкой дрожью зашел внутрь. Дневная жара резко сменилась прохладой. Девлет смело шагнул в темноту, в глубину, и, ощупывая руками склизкие от сырости стены, продолжил путь. Он знал: пещера представляла собой две протяженные параллельные галереи, соединенные узким проходом. Неподалеку, метрах в ста от входа, Девлет наткнулся на скелеты людей в неестественных позах. Они находились тут давно, с незапамятных времен. Впрочем, ему говорили, что у них до сих пор так хороши шаманов и колдунов, считая, что они должны быть ближе к царству мертвых, чтобы после похорон, благодаря своему искусству, не ожить и не пугать людей. Девлет прошел еще немного и тщательно ощупал стены. Он выбрал именно эту пещеру, потому что она славились сухостью. Здесь не били ключи, не шумели реки. Найдя подходящее углубление, юноша снял котомку, вытащил саблю, завернутую в парчовое покрывало, сунул в нишу, потом отломал кусок большого нароста и прикрыл ее. В пещерных сумерках тайник было невозможно заметить. Если же сюда кто-то зайдет с огнем, он, чтобы найти саблю, должен проделать большую работу: обломок надежно прикрыл углубление, и оно почти не выделялось на стене. Довольный, Девлет облегченно вздохнул и направился к выходу. Старик дервиш не зря сказал, что ему следует опасаться дяди Сахиба. Тот давно мечтал о власти. Скорее всего Сахиб уже придумал, как расправиться с Ислям Гиреем, чтобы тот не стал ханом. А с родным племянником это сделать еще легче. Конечно, лучше всего не возвращаться, ускакать на берег моря, сесть на корабль и вернуться в Стамбул. Но тогда он навеки прослышет трусом... Нет, нужно вернуться, дать отпор дяде и постараться самому сесть на трон. Сулейман не возражает: он тут же напишет документ, закрепив власть Девлета. Почти скатившись вниз по склону, юноша погладил Булата по шее и, вскочив на него, отправился в родной дом. Белая пыль, взбитая копытами, разлеталась облаком. Огненное солнце палило немилосердно, заставляя вспомнить о фонтанах во дворце Сулеймана. Если ему суждено стать ханом, он многое переделает в старом дворце. Да, на его территории много фонтанов, но он сделает в два раза больше. Тяжело жить без их живительной влаги. Путь во дворец показался ему короче, чем к пещере. Как только он въехал в ворота, улыбавшийся дядя Сахиб Гирей преградил ему дорогу.

– Хорошо отдохнул, мой мальчик? – Он напоминал старого хитрого лиса, желавшего заглотить зайца, умудренного опытом. – Пора тебе и отдохнуть, племянничек.

Сахиб помог юноше слезть и, положив руку на его широкое плечо, ласково сказал:

– Нельзя так изматывать себя, дорогой. Мать и я – мы очень тревожимся. Сейчас ты отдохнешь в прохладе, но сначала я покажу тебе кое-что интересное. Ты мой родственник, поэтому должен знать об этом.

Сердце юноши кольнуло нехорошее предчувствие, но он все же пошел с дядей, вцепившись ему в локоть, как удав. Они обогнули дворец и вошли в него с черного входа, оказавшись на лестнице, ведущей вниз. Девлет не знал, что это за лестница, но дядя подтолкнул его, и он послушно двинулся по ступенькам, а затем по темному коридору. Когда юноша полностью погрузился в темноту и уже ничего не различал, он споткнулся о выступ и полетел вниз, стучаясь о ступени другой лестницы, на его счастье, не слишком длинной. Когда Девлет растянулся на холодном полу, он услышал, как со скрипом захлопнулась железная дверь, и понял, что дядя заманил его в ловушку. Юноша не сомневался: он оказался в одном из подвалов темницы, где содержались узники. А завтра дядя придет, чтобы убить его. Он прислонился к холодной, как лед, стене и задумался. Еще с младенчества Девлету было известно: из этих застенков никто не выходил. Бежать отсюда, из этой маленькой четырехугольной комнатки с сырыми стенами, тоже невозможно, если никто не поможет. Юноша опу-

стился на пол и заскрипел зубами. Если он ничего не придумает, то его зарежут или сгноят заживо. Что же делать?

Глава 6

Наши дни. Стамбул – Москва

В полночь из дома Ройтмана выехал «Мерседес» и помчался в направлении аэропорта. Билеты до Москвы были давно заказаны, паспорта готовы, рюкзаки уложены, Жанна и Андрей, которых опытная рука гримера немного преобразила, облачены в джинсы и футболки. Они без труда прошли контроль, и Ройтман помахал им на прощание пухлой рукой. Когда самолет, разбежавшись по взлетной полосе, взмыл в небо, молодая женщина положила голову на плечо Андрея и задремала. Он не мог заснуть, как ни старался – в голове прокручивалась вся эта авантюрная операция. Да, именно авантюрная. Если дело и выгорит, то только благодаря какой-то роковой случайности. Если Завьялов сумел устроить подпольный музей и до этого не попал под пристальное внимание следственных органов – значит, он далеко не дурак и вряд ли поверит в историю об изучении флоры и фауны. Может быть, за дни пребывания на болотах они придумают что-нибудь получше.

Он думал и думал, от напряжения заболела голова, перед глазами поплыли красные круги, а самолет тем временем благополучно сел во Внуково. Когда объявили выход, Ломакин разбудил Жанну, схватил рюкзаки и поспешил к трапу. В терминале было много народа, их, естественно, никто не встречал, и Андрей с горечью вспомнил, как жена и сынишка раньше ждали его из командировок. Повторится ли это когда-нибудь? Удастся ли им еще увидеться? Выйдя из терминала, они дождались автобуса, потом пересели на метро и, наконец, на нужную электричку, почти пустую. Молодые люди уселись на одну из передних скамеек и молчали, как и в самолете, всю дорогу до остановки, потом вышли на станции, совсем маленькой, где-то в Тульской области, вдыхая свежий лесной воздух. Электричка шла дальше почти пустая, в вагоне оставалась еще парочка пожилых женщин с корзинками, которые, наверное, ехали за ягодами и грибами (хотя какие грибы в июле!). Спустившись с полуразрушенных ступенек платформы, молодые люди увидели тропинку, еле уловимую среди высоких зеленых стеблей сочной травы. Она вела в глубь леса. Сосны с тяжелыми кронами, которые возвышались среди белоствольных худосочных березок, сразу закрыли солнце, погрузив путешественников в лесную сырость, пахнущую грибной прелью и листьями.

– Есть хочешь? – спросил Андрей, тащивший на плече два рюкзака – свой и спутницы. Жанна глотнула и покачала головой:

– Не хочется. Давай беречь еду. Особенно воду. Где гарантия, что мы нападём на чистый источник?

– Это точно. – Они шагнули в самую глушь и гуськом пошли молча. Какие-то незнакомые птицы, перелетая с ветки на ветку, иногда сбивали сухие шишки и переговаривались на непонятном языке. Через полчаса Ломакин остановился, присев на широкий пень от сосны, видимо, поваленной ветром, и достал из рюкзака карту.

– Мы все время идем на запад, как и нужно, – сказал он. – Скоро начнутся озера и болота. Впору доставать сапоги, которыми предусмотрительно снабдил нас Ройтман.

Жанна поехала. В своей жизни она смотрела много фильмов, герои которых пытались перейти через болота и часто погибали.

– Нужно найти длинную палку, чтобы не сбиться с пути, – тихо проговорила она. – Чтобы нас не засосала тряпина.

– Я знаю, – буркнул он и махнул рукой. – Пойдем дальше. Дойдем до озера – тогда переоденемся и все заготовим. Да и перекусить бы там не мешало. На болоте где пристроишься?

Молодая женщина кивнула, чувствуя силу Андрея. Очень важно, чтобы тебя сопровождал человек, уверенный в себе. По-видимому, насчет болот Ломакин не сомневался. Или они не казались ему сложным препятствием.

Судя по карте, вскоре должно было показаться озеро, огромная черная гладь. Жанна ускорила шаг, но мужчина остановил ее, прошел вперед и объявил:

– Торопитесь к озеру? Учтите: проход к нему сильно заболочен. Метров через тридцать ноги будут вязнуть. Давайте перекусим и переоденемся здесь.

Жанна не возражала. Опустившись на влажную траву, кое-где сохранившую бриллианты росинок, она достала из рюкзака камуфляжный комбинезон и резиновые сапоги.

– Отвернитесь, – приказала женщина Андрею.

Тот, послушно отвернувшись, фыркнул:

– В борделе никто не видел вас голой?

– Никто! – сказала Жанна твердо, но покраснела, вспомнив, как смотрел на ее обнаженное тело первый «клиент».

– Я на это не претендую, потому что люблю жену, – заметил он веско. – Это я сказал так, на всякий случай. Если вдруг для разнообразия вам придет в голову соблазнить меня.

– Вы не в моем вкусе. – Жанна отметила про себя, что Ройтман хорошо подобрал одежду. Комбинезон пришелся ей впору.

– Оделись, принцесса? – насмешливо поинтересовался Ломакин.

– А вы? – в тон спросила она.

– Я, как солдат, всегда готов, – отозвался он.

– Ну и я готова.

– Тогда достаем еду и разжигаем костер.

Он вынул из рюкзака спички, быстро насобирал веточек, сложил их в кучу и поджег, присыпав лежалыми сухими листьями. Огонь разгорелся быстро. Мужчина с гордостью показал ей котелок с закопченным дном.

– Видите, выпросил у Ройтмана, – похвастался он. – Ненавижу пить чай в консервных банках, из которых только что ели свинину.

– Это верно, – кивнула Жанна. – Давайте помогу.

– Почистите картошку, – попросил Андрей. – А я тем временем постараюсь добыть что-нибудь из лесных даров. Кажется, неподалеку я видел дикий малинник.

Жанна взяла в руку сморщенную картофелину – скряга Ройтман, видимо, сэкономил на продуктах – и нож и принялась осторожно счищать шкурку, вспоминая, как ее учила бабушка. Бабуля помнила годы войны, когда варили суп из картофельной шелухи. К сожалению, ни Жанна, ни ее старшая сестра Вика не научились срезать кожицу так тоненько, чтобы она казалась почти прозрачной. А жаль, что не научились. Сейчас бы ей это пригодилось. Они рассчитывали пробить в пути до дома Завьялова два дня, но их могла застать непогода, и тогда болота стали бы для них непроходимой преградой. А посему продукты надо беречь. Она уже заканчивала с картошкой, когда появился Ломакин, гордо неся малину в целлофановом пакете.

– На наше счастье, нетронутая, – похвастался он. – Просто чай пить скучно, во всяком случае, мне. Жена всегда делала варенье. Она знала, что я люблю сладкое. – Мужчина достал большую консервную банку тушенки, ловко вскрыл ее, нагрел на огне, потом крошил туда картошку.

– Будет не очень вкусно, но вполне съедобно, – заверил он. – Хлеб пока свежий. Сегодня нас ждет царский обед.

Жанна обхватила руками колени и грустно сказала:

– Я очень боюсь болот, Андрей.

– Я тоже, – признался он. – Знаете, в школе я занимался в туристической секции. Наш руководитель говорил: «Первое правило перехода через болота – лучше не переходите через

болота вообще». Но тем не менее он многому нас научил. До сих пор помню его наставления. Дальше он продолжал: «Если уж вы попали в болото, оцените опасность по траве. Если на болоте видны молодые поросли сосны, оно покрыто густым слоем травы, скорее всего там можно пройти, а вот если на болоте много пушицы, таких белых цветочков, густой кустарник, березы и ивы, такое болото будет преодолеть сложно. Есть и вовсе непроходимые болота, и на это указывает камыш, вода под травой или отсутствие травы. Заходить туда – это самоубийство».

– Я не видела, что там, – испуганно проговорила Жанна, сжимая в пальцах травинку.

– Я сам посмотрю, – пообещал Ломакин. – Правило второе, которым вам придется руководствоваться: не надо паниковать – страх ни к чему хорошему не приведет.

– А если ноги начнет засасывать? – спросила молодая женщина. – Такое ведь может случиться?

– Вполне, – кивнул спутник. – Начнет засасывать – не делайте резких движений. Сядьте или лягте, чтобы увеличить площадь соприкосновения с почвой. Порой приходится скидывать сапоги, бросать рюкзак с одеждой и едой. Главный помощник – палка. Вы не зря про нее вспомнили. На нее не надо опираться изо всей силы, переносите вес плавно. Понятно?

Он взглянул на Жанну и понял, что, захваченная мыслями о предстоящем ужасе, она почти его не слушала.

– Ладно, – примирительно заметил Андрей. – Все познается на практике. Я мог бы даже проэкзаменовать вас, но это ни к чему бы не привело. Когда пойдем по болотам, слушайте каждое мое слово и все выполняйте. Тогда – обещаю – мы выберемся живыми и невредимыми. К тому же, если добираться до Завьялова этим путем, нам придется преодолеть немного болотистой местности. Основной массив болот лежит на севере.

– Разве нет пути без этих проклятых болот? – буркнула Жанна, кутаясь в куртку. На землю начинал опускаться туман.

– Есть, но это общеизвестный путь, – сказал Ломакин. – По нему ходят все. Он идет через деревни. Вы спросите, почему мы не пошли по нему? Да потому что там не заблудишься. А ведь мы хотим, чтобы нам поверили, что мы заблудились. – Он потянул носом и посмотрел на кушанье. – Ого, чуть не прошляпил. Все готово, мадам. – Андрей распаковал пластмассовую посуду – тарелки, вилки, ложки, стаканы – и положил ей из банки немного варева. – Пробуйте и не критикуйте. Знаю, что до Николаса мне далеко.

Жанна осторожно взяла тарелочку и попробовала:

– М-м-м, вкусно! Мне кажется, ничуть не хуже, чем отбивная Николаса.

– Это кажется, – усмехнулся Андрей. – Свежий воздух – сильная приправа к еде.

– Да, это правда, – согласилась молодая женщина. Спутник отставил свою порцию, взял котелок, налил из пластмассовой бутылки воды и приспособил на огонь, кинув туда немного черного чая и малины.

– Попробуйте этот вкусный напиток, – сказал он, раздвинув в улыбке губы. Жанна заметила: когда Андрей улыбался, его лицо становилось детским и беззащитным, на подбородке и на щеках появлялись забавные ямочки.

– Держите. – Он протянул ей несколько пластиковых стаканчиков, вставленных один в другой. Еще не пригубив, женщина почувствовала аромат малины и еще каких-то трав.

– Пахнет хорошо. Ой, вкус – потрясающий.

Ломакин довольно улыбнулся:

– Спасибо моим родителям, которые настояли, чтобы я занимался туризмом. Видите, когда пригодилось. А теперь отдохните. Я поставлю палатку. – Мужчина замялся, и его щеки тронула краска. – Я уже говорил вам, что никогда не изменю жене. Это я к тому, чтобы вы не волновались, когда нам придется спать в одной палатке. Даю слово, я к вам не притронуся. Но если мое присутствие вам неприятно – ночь наверняка будет теплой, я устроюсь на улице.

Жанна шлепнула рукой по щеке:

– Чертов комар! Слышала я, что болота – это комариное царство, но видеть не приходилось. Пусть ночь выдастся теплой, но вас съедят комары. Нет, поверьте, не будет ничего страшного, если мы оба займем палатку. У меня к вам только одно условие – не храпеть.

– Жена никогда не жаловалась. – Андрей подбросил в огонь хворостинку и встал, разминая ноги. – Сейчас займусь палаткой, а вы отдыхайте. Как только все будет готово, идите спать, а я немного подежурю. Вряд ли нас кто-то побеспокоит, но все-таки...

Молодая женщина не возражала. Она чувствовала, как слипаются глаза. Когда Ломакин позвал ее, она юркнула в палатку, скинула куртку и с удовольствием растянулась на одеялах. Болели ноги, болела спина, но эта боль, как ни странно, была приятной. Женщина погрузилась в сон моментально, что бывало с ней очень редко, и не слышала ни криков водяных птиц, ни шорохов, ни шелеста листьев. Ломакин еще немного посидел у затухающего костра, посмотрел на яркие звезды – почему-то они казались ему ярче, чем в городе, – и, вздохнув, полез в палатку.

Глава 7

1540 год. Крым

Сахиб Гирей, развалившись на подушках в беседке, находился в веселом расположении духа. Вчера он заточил в темницу племянника, который мог занять престол как любимец Сулеймана Великолепного, а сегодня, с помощью своего дипломатического таланта – по крайней мере он так считал – уговорил Ислям Гирея не претендовать на трон. Теперь нужно было ехать в Стамбул и убедить султана, что лучше его, Сахиба, Крымского хана не найти. Разумеется, он скроет, что заточил в темницу Девлета, скажет, что мальчик еще не готов управлять большой страной, что сам отказался от трона. Чтобы все выглядело правдоподобнее, Сахиб решил заставить Девлета написать письмо двоюродному брату, в котором юноша подробно расскажет, почему не хочет быть ханом. Он не сомневался, что заставит племянника это сделать: пообещает ему самое дорогое, что можно пообещать, – жизнь. Девлет сейчас наверняка мечется по подземелью, ожидая смерти. Вряд ли ему хочется умирать, покидать белый свет в восемнадцать лет. Сахиб Гирей улыбнулся своим мыслям и погладил узор, вышитый золотом на темно-синем халате, потрогал окладистую, черную, с рыжинкой бороду. Здорово все-таки он придумал! Тихое журчание воды в фонтане убаюкивало. Раскосые глаза Сахиба начали слипаться.

– Извини, владыка, что я нарушил твой покой, – раздался знакомый голос визиря Саадет Гирея Мехмет-Али, – но мне необходимо поговорить с тобой именно сейчас.

Сахиб отметил про себя, что визирь величает его «владыкой», хотя он еще им не стал. Это приятно пощекотало самолюбие. Умнейшие люди в государстве не сомневаются, что он будет ханом.

– Я слушаю тебя внимательно, – проговорил он расслабленно. – Надеюсь, ты не зря явился ко мне.

– Выслушай, а потом сам решишь. – Мехмет-Али опустил на подушки напротив Сахиба. – Но я должен сказать тебе это как можно скорее. Что ты слышал о сабле Чингисхана?

– Слышал, что у нашего родственника была такая сабля, – отозвался Сахиб, – однако после его смерти она пропала. Говорят, благодаря ей наш предок одержал столько побед. Хотел бы я иметь это оружие!

Мехмет-Али улыбнулся и поправил шапку, отороченную мехом.

– А что ты скажешь, когда узнаешь, что можно завладеть саблей, потому что она находится где-то поблизости?

Тонкие, темные, будто нарисованные углем брови Сахиба взлетели вверх, расслабленность сняло как рукой, и он подался вперед всем грузным телом.

– Сабля здесь? Но откуда? Что ты знаешь об этом?

Мехмет-Али улыбнулся, показав здоровые белые зубы:

– Видишь ли, побывав в Стамбуле, я обзавелся хорошими друзьями, которые за вознаграждение снабжали меня информацией. Разумеется, я передавал ее своему господину Саадет Гирею. Но он отрекся от престола, и я остался не у дел. Однако мои люди по-прежнему передают мне кое-какие сведения. Сегодня с торговым кораблем пришло письмо для меня, из которого я узнал, что Менгли Гирей завещал саблю Девлету. Не спрашивайте, как она попала к вашему отцу, это никому не ведомо. Мой человек подслушал разговор Сулеймана и Девлета. Великий султан передал саблю вашему племяннику и рассказал ее историю.

– Значит, сабля у моего племянника. – На смуглом лбу Сахиба собрались морщины, изревав его, будто кинжалом. – Что ж, очень хорошо. Думаю, мальчик без колебаний отдаст

ее мне. В противном случае... – Последние слова он произнес с угрозой, и Мехмет-Али, многое повидавший на своем веку, почувствовал дрожь. – Я собирался немного отдохнуть после сытного обеда, – продолжал Сахиб, – но передумал. Я немедленно отправлюсь к племяннику и заставлю его написать письмо и отдать саблю. Он умный юноша и поймет, что ни одна сабля, даже сабля великого Чингисхана, не стоит человеческой жизни.

– А когда Девлет отдаст саблю, – прошептал Мехмет-Али, – он...

– Да, ты прав, – кивнул Сахиб Гирей, – я убью его.

Он поднялся, смахивая капли пота с широкого лица, и направился к узкому проходу, который, извиваясь под землей, как змея, вел к тюремным подземельям. Мехмет-Али какое-то время семенил рядом, отчаянно потяя, но потом, будто передумав, повернул назад. Зайдя в подземелье, Сахиб Гирей снял со стены светильник и решительно пошел к комнате, где томился Девлет. Юноша, сидевший на корточках в углу, вздрогнул, когда на его лицо упал яркий свет, и поднялся, моргая.

– Салам алейкум, племянничек, – ласково проговорил дядя, но от этих дружеских слов Девлета бросило в дрожь. – Как тебе новый дом?

– Не могу сказать, что он мне понравился, – буркнул Девлет. – Скажи по крайней мере, за что я удостоился такой чести. Только потому, что ты боишься претендента на ханский трон?

– И поэтому тоже. – Сахиб подошел к решетке, и его жирное лицо заблестело в свете факела. – А еще потому, что у тебя есть кое-что. И это кое-что должно стать моим.

Юноша покрылся холодным потом. Его дядя узнал о сабле. Но откуда? Кроме него и Сулеймана, об этом никто не ведал. Впрочем... Нечему удивляться, дворец султана всегда был наполнен соглядатаями. Против них принимали меры, но разве можно предусмотреть абсолютно все? Видимо, у Сахиба там тоже имелись глаза и уши. Немного подумав, Девлет не стал ничего отрицать.

– Я действительно получил эту саблю в подарок от Сулеймана, – сказал он. – Твой отец и мой дед Менгли Гирей завещал ее мне. Не спрашивай почему, этого я не знаю. Если ты слышал историю сабли, то знаешь, что она служит только своему хозяину. Если ее кто-то украдет или отнимет силой, у него начнутся неприятности. Ты хочешь неприятностей, Сахиб? Вряд ли, если планируешь занять ханский трон.

Дядя побагровел. Его узкие черные глаза превратились в щелочки.

– Значит, ты не отдашь мне саблю? – спросил он угрожающе. – Что ж, попробую поговорить с тобой по-другому. Во-первых, я не боюсь неприятностей, потому что я не трусливый шакал. Во-вторых, я передумал пугать тебя смертью, потому что ты тоже не трусливый шакал. Мы, Чингисиды, рождены храбрыми воинами, – он тяжело вздохнул, изображая сочувствие, но Девлет ему не верил. – Мне бы очень хотелось стать твоим другом, но, к сожалению, в нашем роду родственники, вступившие на трон, всегда уничтожают претендентов, и я не исключение. Мне придется убить тебя, а также твою мать и твоих братьев. Они еще подростки, Девлет. Ты хотел бы увидеть их смерть? Я постараюсь, чтобы она была как можно более мучительной. Ты умный, Девлет. Подумай хорошенько, что для тебя важнее. Собственная жизнь и жизнь твоих близких или какая-то сабля.

Юноша закрыл лицо руками. Внутри все клокотало, как горный водопад, но он понимал, что отдаст саблю Сахибу в обмен на жизнь братьев и матери. О Аллах, почему он тогда не послушался дервиша? Нужно было скакать к кораблю и возвращаться в Стамбул. Там по крайней мере его бы никто не тронул. А что касается ханского престола... В настоящее время ханом ему не быть... Сахиб сильнее и могущественнее его. А он тут новичок, никого не знает, кроме матери и дяди. Кто пойдет за ним? Кто? Сахиб внимательно наблюдал за менявшимся выражением лица племянника.

– Ну, что ты решил? – поинтересовался он через пять минут. Девлет шумно выдохнул:

– Твоя взяла, Сахиб. Я отдам тебе саблю, обменяю ее на клятву не трогать мать и братьев. И горе тебе, если ты ее нарушишь.

Дядя улыбнулся одними уголками тонких красных губ.

– Я всегда держал слово, мальчик, – проговорил он, – и это тебе тоже известно. Клянусь Аллахом, они останутся в живых. Но тебе придется сделать кое-что еще. Завтра я отправляюсь в Стамбул. Ты должен написать письмо своему двоюродному брату.

Девлет криво усмехнулся:

– Отказаться от ханского трона? – Он будто выплюнул эти слова в жирное, лоснящееся от пота лицо дяди. – Ты этого от меня хочешь? Хорошо, я сделаю и это. Неси сюда бумагу и чернила.

Сахиб крикнул в темноту коридора, чтобы слуги принесли все для письма, и Девлет, скрючившись, принялся писать. Дядя с неудовольствием заметил, что изящная, с длинными тонкими пальцами рука племянника не дрожит. «Я убью его, – подумал он, – убью, как только этот мальчишка выполнит мою просьбу». Его глаза сверкнули в темноте, как клинки кинжала. Девлет, поставив подпись, поднялся и протянул бумагу Сахибу.

– Это то, что ты хотел, – сказал он. – Теперь слушай, как найти саблю. Это в большой пещере в горах. Помнишь время, когда мой отец был жив? Он с рождения пытался сделать из меня прекрасного воина и наездника и поэтому возил в горы.

При упоминании имени старшего брата лицо Сахиба скривилось. Их семью никогда нельзя было назвать дружной. Желание сесть на ханский трон с малолетства пропитывало их ненавистью друг к другу.

– Кажется, я помню эту пещеру, – кивнул он, и на жирном лице появилось довольное выражение. – Вход в нее находится на верху скалы.

– Верно, – согласился Девлет. – Сабля в стене, прикрытая острым камнем. Ты отыщешь ее без труда. – Он отошел к стене и провел пальцем по ее склизкой поверхности. – Что ж, желаю тебе удачи. Только не говори потом, что я тебя не предупредил.

Сахиб снова сверкнул темными глазами и вышел на свежий воздух. Мехмет-Али появился перед ним неожиданно, заставив вздрогнуть.

– Хочу тебе сообщить, господин, что сегодня вечером один из кораблей уходит в Стамбул, – вкрадчиво заметил он. – Если ты получил от племянника все, что хотел, зачем же ждать? Нужно отправляться в Стамбул немедленно. Крым нуждается в новом хане. И чем скорее он появится, тем лучше.

Сахиб Гирей немного подумал и ответил:

– Ты прав. Вели слугам собирать мои вещи. Я скоро приеду.

Кликнув конюха, он велел оседлать Булата. «Пусть Девлет еще немного поживет, – решил Сахиб, – я расправлюсь с ним по возвращении из Турции. Сулейману может не понравиться, если я убью его сейчас».

Сабля, волшебная сабля, о которой он столько слышал, маячила перед его глазами. Рубины, бриллианты и изумруды сверкали, переливаясь всеми цветами радуги.

– Через час я стану всемогущим, – сказал он коню и, прищипорив его, помчался в горы.

Глава 8

Наши дни. Тульская область

Утром, наскоро позавтракав тушенкой с хлебом, они собрали вещи и двинулись в путь. Сухая тропинка упорно бежала прямо, но по обеим ее сторонам появились лужи, сначала маленькие, они будто разрастались на глазах. Земля на тропинке начала набухать, и вскоре резиновые сапоги уже по щиколотку погружались в размокшую жижу. Андрей оказался прав. Наверное, недавно тут прошли дожди... Но как он догадался, что путь к озеру заболочен? Вероятно, сказались занятия в туристической секции.

– Дорога к озеру превратилась в болото, – констатировал Андрей. – Идите осторожнее, не сворачивайте, не спотыкайтесь. Пока наша тропа довольно прочна, даже палки не требуются.

Жанна обратила внимание, что он взял две толстые палки, и подумала о силе мужчины, на первый взгляд хрупком и нежном. Он тащит ее рюкзак, всю снедь и вещи. Теперь еще две палки. А она ничем не может ему помочь. Взвали ей на спину тяжелую поклажу – шагу не ступит. Жанна покосилась на воду темно-коричневого цвета. Как не хотелось бы погружаться в нее, даже по колено.

– О чем думаете? – Женщина улыбнулась, отметив про себя, что Ломакин упорно обращается к ней на «вы». Интересно, уважает или старается подчеркнуть дистанцию? Впрочем, какая разница, этикет на болотах – вообще смешно.

– Думаю о болотистой воде, – призналась молодая женщина. – Она такая грязная...

– Напрасно так думаете, – рассмеялся Ломакин и поудобнее пристроил рюкзак. – После кипячения ее вполне можно пить, что мы и будем делать, когда закончится вода в канистре.

– Я к ней не притронусь, – упрямо заявила Жанна.

Андрей дернул плечом.

– Это как будет угодно. – Ломакин остановился и снял со спины палку. – Осторожно. Вот самое настоящее болото. Пройдем его – выйдем к озеру.

Женщина заскулила, заохала, и Андрей, не обращая внимания на ее стоны, первый ступил в болотистую жижу, предварительно попробовав дно палкой. Носком резинового сапога Жанна потрогала наполовину закрытый водой березовый ствол.

– Здесь много поваленных деревьев, – заметила она. – Если пройти по ним, может, мы останемся совсем сухими?

Ломакин покачал головой:

– Нет, к сожалению. Ступайте, не бойтесь, здесь неглубоко.

Вздыхнув, Жанна ступила за ним. Ноги провалились по колено, но высокие болотные сапоги не пропустили воду.

– Старайтесь ступать в мои следы. – Андрей ловко орудовал палкой, идя ровно, иногда перешагивая через коряги. Молодая женщина, не привыкшая к такой обуви, спотыкалась о стволы деревьев, но упрямо шагала за ним, отводя от лица сухую желтую траву, норовившую поранить ее нежную кожу.

– Еще немного, – подбадривал Андрей. – Видите, вон озеро. Неподалеку от него – деревушка. Говорят, она заброшенная, но вполне возможно, что на берегу осталась лодка, пусть и дырявая. Озеро небольшое, и мы быстро переберемся на другой берег даже на плоту. Хотите, остановимся в заброшенной избе? Уверен, там есть все для того, чтобы приготовить хорошую еду.

– Посмотрим. – Женщина приободрилась и пошла быстрее. Болото постепенно мелело, и земля на берегу озера, хоть и размокшая, была пригодна для нормальной ходьбы.

– Вот и добрались, – подмигнул ей спутник и указал на три почерневшие от сырости и времени избы с покосившимися крышами. – Давайте посмотрим, чем тут можно пожить.

Он зашагал к заброшенным домам, а молодая женщина заметила что-то в зарослях камыша.

– Андрей! – закричала она радостно, подойдя поближе к находке. – Смотрите – лодка. Правда, она старая и, кажется, дырявая.

Ломакин сразу бросился на ее голос, юркнул в камыш и вскоре вытащил довольно большую, почерневшую от времени лодку.

– Молодец. – Он пожал ей руку. – Мы спасены. Теперь давайте немного отдохнем, поедим и решим, что дальше делать. До вечера еще далеко, но если вы устали, мы вполне можем устроить здесь привал. Пойдете со мной в заброшенные дома?

Слово «заброшенные» вызвало у нее дрожь. Оно словно было связано с призраками, если верить английским фильмам, в обилии населявшим пустые замки. Андрей будто почувствовал ее состояние и, взяв в руку ее холодную ладонь, крепко сжал.

– Не бойтесь. Там никого нет, даже собак и кошек, не говоря уже о другой живности.

Преодолевая страх, Жанна пошла с ним, решив, что это лучше, чем оставаться на берегу пустынного озера. Ворота первой заброшенной избы были закрыты на порывевшую щеколду, которая просто отвалилась, когда мужчина дотронулся до нее. Ветхие ворота качнулись, угрожая упасть следом, но их, видимо, удержали остатки забора.

– Заходите. – Андрей помог ей войти на участок, сплошь заросший высокой зеленой травой. Дверь в дом была распахнута, и Жанна снова почувствовала страх, вспомнив, как в фильмах ужасов привидения специально оставляют двери открытыми. Ломакин смело взбежал по деревянным ступенькам, и одна надломилась под его тяжестью, но внутрь нога не провалилась.

– Вот так ломают конечности, – иронически заметил он. – Осторожнее, Жанна.

Боясь показаться нелепой трусихой, она последовала за ним. В первой комнате стоял старый лакированный посудный шкаф, совершенно пустой, рядом с ним – стол, покрытый цветастой клеенкой, к которому сиротливо прислонился стул без спинки. Ломакин подошел к полуразрушенной печи и, любовно погладив кирпичи, вымазанные известью, заметил:

– Ну какая изба без печи?

Молодая женщина обратила внимание, что на лежанку вела лесенка. В печи уже, видимо, много лет «грелись» растрескавшиеся кирзовые сапоги.

– Дом постепенно оседает, и крыша давит на печь, – сказал Андрей с видом знатока. – Скоро бедняга совсем разломается. Понимаете, почему лучше не спать на чердаке? Давайте зайдем в другую комнату.

Другая тоже оказалась частично выпотрошенной. Из платяного шкафа сиротливо выглядывали спортивные штаны, заношенные до дыр. Панцирная кровать оцетинилась колючками. Жанна вдруг явственно представила, как когда-то здесь жила семья и на этой кровати красовались подушки, какие она видела на картинках, – башенкой. Мягкая перина так и манила прилечь после трудового дня. А потом дети уехали в город, старики остались одни среди болот. Может быть, они и пытались продать дом, да кто его купит в такой глуши? В более хороших брошенных деревнях такое хозяйство предлагают за копейки, проблема – найти хозяев. И уехали старички к детям в город, и бросили вещи, много лет служившие им. Она почувствовала, как от этих грустных мыслей сдавило горло.

– Здесь можно поесть и переночевать. – Андрей покопался в печи и вынул закопченный, но целый чугунок. – Как вам такое предложение?

Жанна опустилась на панцирную кровать, не обращая внимания на уколы сломанной проволоки.

– Давайте.

– Тогда разбирайте рюкзаки и готовьте картошку, кстати, возле дома я видел колодец, может, в нем и ведро сохранилось, посмотрите, а я постараюсь починить лодку, пока светло. – Ломакин бросил поклажу на пол и вышел. Молодая женщина встала, достала из рюкзака картошку, нож, котелок и, положив все на стол, отправилась к колодцу. Найдя его, она еще раз подивилась наблюдательности Андрея. Если бы спутник не сказал, что видел его, она бы в жизни ничего не нашла. Колодец почти полностью скрыла жирная зеленая трава, лишь кое-где обнажалось почерневшее дерево. На ее удивление, в нем сохранилось ведро, да как сохранилось... Без густой ржавчины, которой в доме было в изобилии! Жанна набрала воду, отметив ее чистоту. Хороший чай получится сегодня! Вернувшись в дом, женщина приготовила картошку и вышла во двор. Следов кострища нигде не было видно, придет Андрей – сам решит, где лучше его соорудить. Она еще раз подошла к старому шкафу с облупившейся светло-коричневой полировкой, где когда-то хозяйка бережно хранила тарелки, чашки, сервизы. Слезы навернулись на глаза, когда женщина прикоснулась к разбитому стеклу верхнего отдела. На крошечной кухоньке их дачного домика стоял точно такой же, купленный еще бабушкой и дедушкой, а потом, с приобретением новой мебели, перекочевавший на дачу. Как теперь она любила маленькую дачку в три сотки, любовно высаженные матерью цветы, плодовые деревья, за которыми отец ухаживал, как за своими детьми! Жаль, что эта любовь проявилась в ней слишком поздно. Суждено ли ей когда-нибудь еще раз взглянуть на дачу хотя бы одним глазком? По щекам потекли слезы, и Жанна быстро отерла их пыльной рукой, оставив грязные разводы. Андрей сразу заметил их, как только вернулся домой.

– Плакали?

Она отвернулась и промолчала.

– Это хорошо, что плакали, – констатировал он. – Я бы сам всплакнул, да мне нельзя – я мужчина. Мне почему-то вспомнился дом, думаю, у вас те же самые воспоминания.

Она всхлипнула:

– Какая же я была дура!

– Сейчас не время винить себя. – Он кивнул в сторону улицы. – Я выбрал место для костра, вижу, картошка готова. Смотрите, как я отскреб чугунок мелкими камешками. Он блестит, почти как зеркало. Сейчас мы сварим знатный суп. Помогите мне. Заодно и отвлечемся от грустных мыслей.

Они вышли на улицу.

– Будем разжигать здесь. – Андрей взял порыжевшую от ржавчины косу, прислоненную к дому. – Нашел в сарае.

Ловкими движениями он выкосил траву, мешавшую разводить костер, принес сухие сучья и, свалив их в кучу, достал спички и поджег, обложив костер кирпичами, которые в изобилии валялись возле сарая. Наверное, хозяева хотели сделать пристройку...

– На камни легче пристроить чугунок. – Ломакин налил в него колодезной воды, открыл банку тушенки, бросил туда картошку, не так мелко крошенную, как вчера, посолил, поперчил и махнул рукой: – Оставим вариться. Чай придется пить пустой. Лес далеко, идти туда неохота.

– Как бы теперь избавиться от комаров, – добавила Жанна, отгоняя мошкарку.

– Пока мы на болотах, это невозможно, – заявил спутник и улыбнулся. – Вот когда придем к Завьялову... Наверное, у него целые приспособления для борьбы с мелкими противными насекомыми.

Жанна дернула плечом:

– Иногда мне не верится, что мы найдем его.

– А мне почему-то верится, – парировал Ломакин. – Перед нами стоят задачи куда более важные, чем просто найти чей-то дом. Нужно проникнуть внутрь и украсть саблю. Но и это еще не все. Нужно с этой саблей из дома выйти – и вот это и есть самое опасное предприятие. Честно говоря, – он потрогал кончик носа, – меня смущает, почему Завьялов забрался в самую

гущу болот. Допустим, у него подпольный музей с краденными сокровищами – и что? Можно и в центре города устроить все так, чтобы комар носа не подточил.

Жанна вздрогнула:

– Ваше сравнение с комаром... Здесь оно не то чтобы неуместно, но... Я не могу о них слышать.

– Ладно, оставим рассуждения на более удобное время. – Андрей зачерпнул варево ложкой и попробовал. – Картошка сыровата. Надо было все же покрошить помельче.

– Вам удалось починить лодку? – спросила женщина.

Ломакин усмехнулся:

– И да и нет. Она совсем сгнила, бедняжка. Но шанс переплыть озеро у нас есть.

– А потом? – Жанна поежилась, почувствовав ледяной холод, хотя солнце грело вовсю. – Нам снова придется преодолевать болота?

– Выберем самое проходимое, – заверил ее Ломакин. – К тому же большую половину пути мы пойдем по тракту, выложенному большими плитами. Когда-то, еще во времена Советского Союза, в тех краях добывали торф. Предприятия давно нет, но осталась сносная дорога. – Он снова зачерпнул похлебку. – Готова. Давайте тарелки. В качестве приправы сегодня у нас снова чистый воздух.

– Сейчас порежу хлеб. – Женщина подумала, что сделает это с радостью. Она испытывала благодарность к почти незнакомому мужчине, который помог ей спастись и начать новую жизнь. Когда Жанна принесла тарелки и хлеб, Андрей разлил болотное жаркое – как он его назвал – и дал ей вилку.

– Вкусно?

– Очень. – Женщина ела с жадностью.

– Что вы решили насчет ночлега? Останемся здесь или пойдем дальше?

– Здесь так спокойно, – прошептала спутница. – Кажется, время остановилось. Давайте переночуем, но рано утром снова тронемся в путь, чтобы поскорее добраться до этого проклятого Завьялова. Как по-вашему, мы найдем его жилище засветло?

– Должны. – Андрей достал мобильный. – Совсем забыл о нем. И не зря. Перед отъездом я забил маршрут в навигатор, но сигнала нет. В таких лесах ничего не ловит.

– Я тоже забыла о телефоне, но по другой причине. – Жанна грустно вздохнула. – Мне некому звонить.

Он пожал ее холодную ладошку:

– Знаете что? Поедите – и отдыхать. А я продолжу заниматься лодкой.

Женщина подумала, что она благодарна своему спутнику еще и за то, что он не лезет с расспросами, не выворачивает наизнанку ее душу. Меньше всего ей хотелось вспоминать прошлое, потому что это причиняло нестерпимую боль. Раньше она и не подозревала, что душа может так болеть за кого-то – не за себя.

– Хорошо. – Улыбнувшись, Жанна с благодарностью посмотрела на спутника. – Мне с вами повезло. Вы столько знаете и умеете. Про болота, про их особенности. Это должна знать я, хоть и недоучившийся, но все же биолог.

– Не корите себя. – Андрей встал. – Помойте посуду, если не трудно. Некоторые пластиковые тарелки можно выбросить.

– Все сделаю, – ответила Жанна с энтузиазмом, которого раньше не ощущала, если ей предлагали заняться домашними делами. Она вымыла посуду, красиво разложила ее на столе, будто ожидала гостей, расстелила одеяла на кровати и на топчане, который нашла на полуразрушенной веранде. Им обоим будет удобно, во всех смыслах. Путешествие утомило, и она вскоре задремала, несмотря на раннее время. Андрей вернулся в дом, когда совсем стемнело, осветил фонариком на спящую женщину, улыбнулся и прилег на топчан.

Глава 9

1530 год. Крым

Написав злополучное письмо, Девлет Гирей, присев в углу, прислонился к стене, ожидая приезда дяди. Он не сомневался, что алчный Сахиб сначала поскачет за саблей, а потом вернется, чтобы убить его. Как он ни говорил себе, что принять смерть нужно с достоинством, смело взглянуть ей в глаза, умирать не хотелось. Ему всего восемнадцать, он еще и не жил по-настоящему, не познал страстной любви... И для его несчастной матери это будет большое горе... Если она переживет его, если Сахиб останется верен своей клятве.

Он прислушивался к каждому шороху, глотая спертый воздух подземелья. Дядя все не шел, обрекая племянника на муки ожидания. Когда замаячил свет, Девлет встал, стараясь слиться со склизкой стеной, будто убийца мог его не заметить. Шаги Сахиба возвещали о том, что убийца приближается к своей жертве. Слизнув со стены мутную каплю, Девлет закрыл глаза. Скорее бы все это произошло. У него нет больше сил ждать смерти.

– Господин, – услышал юноша незнакомый голос и, открыв глаза, увидел полного человека в кафтане и шапке. – Господин, сейчас я освобожу тебя. Твой дядя уехал в Стамбул, тебе нечего бояться.

Девлет прищурился, стараясь получше разглядеть незнакомца и вспомнить, кто это. Кажется, начальник внутренней охраны дворца Ильяс. В свете огня блеснула связка ключей. Начальник охраны отыскал нужный, звякнув железом, и вставил в замочную скважину. Жалобно скрипнув, ключ трижды повернулся в замке, и дверь открылась.

– Пойдем, пойдем, я спрячу тебя, – торопливо говорил Ильяс. – Через десять дней в Стамбул уходит корабль. Я знаю его капитана. Ты поедешь в Стамбул, никем не узнанный, я скажу капитану, что ты мой племянник. Впрочем, он никогда не задает много вопросов.

– Зачем ты это делаешь? – удивленно спросил Девлет. – Дядя может обо всем узнать...

– Пройдет время – и ты станешь ханом, – Ильяс посмотрел ему в глаза, – я чувствую это. Ты сместишь Сахиба... И это будет правильно.

– Благодарю тебя, – отозвался Девлет, – и да хранит тебя Аллах.

– Пойдем, за воротами тебя ждет конь. – Начальник внутренней стражи потянул Давлета за рукав кафтана. – Он более смирный, чем Булат. Ехать придется долго, но он знает дорогу. – Начальник охраны протянул юноше котомку. – Здесь еда и записка к капитану. Еще в записке его имя и название корабля.

Девлет выбежал из подземелья на свежий воздух, бросил прощальный взгляд на дворец, где провел детские годы, хотел попрощаться с матерью, но передумал: его могли увидеть. Согнувшись, юноша помчался к открытым воротам, выбежал за них и вскочил на гнедого коня, в нетерпении переминавшегося с ноги на ногу. Добрый конь, почувствовав хорошего наездника, обрадованно заржал и понес нового хозяина к морю, синюю гладь которого можно было увидеть с вершины высокой горы.

Глава 10

Двадцать лет спустя. 1551. Крым

Сахиб сидел в беседке нового дворца, почти в два раза большие старого, превосходящего его не только своими размерами, но и красотой. Он вспоминал давнюю поездку в Стамбул, разговор с Сулейманом Великолепным и возвращение на родину триумфатором, крымским ханом. Письмо племянника сыграло свою роль. Великий султан сказал ему, что видит ханом только его, ни в коем случае не Ислям Гирей, назначенного калгой. Сахиб Гирей прибыл на родной берег в сопровождении турецких войск, и беи, знавшие про нового хана, принялись присягать ему, как только он сошел на землю. Ислям Гирей, молча выслушав сообщение дяди о своем назначении, ничего не сказал, а вечером уехал в Ак-Чакум. По его недовольному лицу Сахиб понял, что Ислям не рад новой должности. Да и как ему радоваться, если брат до последнего надеялся занять ханский престол? Итак, Ислям останется его врагом, и это печально. Ему была нужна передышка, чтобы навести в стране порядок. Крым опустошили, измотали бунты беев, Ногайская Орда вышла из подчинения и уже диктовала свои условия Казанскому ханству, выполнять которые оно не собиралось. Казанское ханство находилось под влиянием Москвы. Именно при ее тайной поддержке был организован дворцовый переворот в Казани, и на престол сел малолетний Джан-Али, полностью попавший под влияние русского царя.

Сахиб, приехав во дворец и немного подумав, начал наведение порядка в стране с организации отрядов секбанов, крымско-татарской пехоты, образованной по образцу янычар. Хан набирал туда незнатных людей, некоторых назначал командирами, и это не нравилось гордым беям, назвавшим его войско разбойничьим. Сахиб поселил секбанов неподалеку от дворца и тогда же отметил, что дворец стал для него слишком маленьким: его не хватало для множества слуг и вельмож. Это подтолкнуло его к строительству нового дворца. Сахиб поклялся Аллахом, что новая резиденция не затмила великолепием разве что дворец султана, и, выбрав место среди садов, в долине реки Ашлама, скрытой от посторонних глаз горами, начал строительство. Вместе с новой резиденцией возник и новый город, получивший название Бахчисарай – «дворец-сад». Во дворце было все: мечети, мавзолеи, бани, фонтаны. Все постройки богато украсили и расписали в восточном стиле. Беседуя со строителями и архитекторами, Сахиб просил, чтобы они воплотили в жизнь исламские представления о райских куцах. И это им удалось. Красивейший дворец, занимая четыре гектара земли, утопал в зелени виноградников и садов и состоял из нескольких корпусов, бани и гарема. Напротив дворца находилась ханская мечеть с двумя минаретами, и пять раз в сутки муэдзин созывал мусульман на молитву. За дворцом Сахиб планировал оставить кусок земли для кладбища, а за ним возвести бани. Теперь они радовали глаз своими большими куполами. «Желтые красавицы» – так называл их хан. Много денег и сил ушло и на фонтанный дворик. Сахиб Гирей любил фонтаны, как и все его родственники, и в специально отведенном дворе нового дворца забили несколько фонтанов, один красивее другого. Каждый из них имел свое предназначение (например, для омовения ног), но все они представляли собой великолепное зрелище. Сахиб любил отдыхать в тени деревьев возле фонтанов. Шум листвы и журчание водных струй успокаивали его, уносили прочь горестные мысли и будто шептали ласковые слова. Грозный хан порой разговаривал с ними, и ему казалось, что фонтаны откликаются, лепечут что-то на своем языке...

Вроде бы жизнь наконец потекла спокойно, как равнинная река. Но проклятый племянник Ислям вновь напомнил о себе. Он поднял мятеж против Сахиба. И самое страшное, его поддержали беи. Ислям Гирей объявил себя ханом созданного им Перекопского ханства, в отместку дяде перекрыл все пути, ведущие на полуостров, и не пускал в глубь Крыма послов, начав самостоятельно вести переговоры, требуя для себя дани и подарков. Хвала Аллаху,

соседи его не очень-то слушались. Ислям как был, так и остался беден, как последний дервиш, и беи бежали от него, как крысы с тонущего корабля. Они возвращались к Сахиб Гирею, который требовал от них подтверждения верности. Некоторые из них были готовы на все, и хитрый хан предложил одному из них, Бакы-бею, рассчитывавшему вернуть титул главного бея мангытов (одного из самых могущественных кланов) убить Ислям Гирея. Сахиб рассчитывал, что тот безоговорочно выполнит его требования – что значит убийство по сравнению с могуществом! Но впервые за многие годы он просчитался. Бакы думал, что хан вернет ему титул без всяких условий, и поэтому сначала поскакал к Ислям Гирею, однако тот отнесся к его рассказу с недоверием. Пришлось Бакы возвращаться в Ногайскую Орду не солоно хлебавши. А потом в Москве поменялась власть, попавший в опалу князь Бельский бежал в Турцию и попросил Сулеймана выступить против Москвы. Султан согласился, но войско перехватило Ислям, и тогда Сахиб выступил против него, рассчитывая наказать. В том бою непокорный племянник был убит Бакы-беем, и вовсе не потому, что тот хотел выслужиться перед Сахибом. Ногайская Орда мечтала вернуть господство, и Крымское ханство служило для нее камнем преткновения. Одним ханом меньше – уже легче прорваться к трону. Сахиб немного подумал и решил, что такого, как Бакы, лучше держать при себе, и уговорил его вернуться. А потом – неожиданный переворот в Казани, восстание против хана, поступавшего так, как было угодно Москве, возвращение на трон Сафы Гирея, родственника Сахиба, впрочем, не питавшего к нему никаких родственных чувств, и несколько походов против русских. И в это трудное время его предал Бакы-бей, задумавший поставить на трон сына Ислям Гирея. Отказавшись выполнять приказы Сахиба, он сорвал поход. Тогда крымский хан понял, что лучший Бакы – мертвый Бакы. Он приехал к нему, пригласил побеседовать в шатер и произнес слова, которые ему самому очень понравились. «Я тебе сделал много добра, но от тебя видел лишь зло. Тот, кто сотворит зло, – зло и получит в ответ», – буркнул он, любясь собой. Бакы, все поняв, дернулся, чтобы убежать, но нукеры

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.